

HISTORIA ROSSICA

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
ТОРГСИН
ПРАВЛЕНИЕ — МОСКВА

ТОВАРНЫЙ ОРДЕР
НА ПРАВО ПОСТАВКИ ТОВАРОВ
ИЗ ГОРОДСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ
В. О. „ТОРГСИН“ НА СУММУ
ОДНА КОПЕЙКА

**1
КОП**

ЭГ ПРЕДСЕДАТ. ПРАВА. ЧЛЕН ПРАВА.

ПОДДЕЛКА ТОВАРНЫХ
ОРДЕРОВ ПРЕСЛЕДУЕТСЯ
ПО ЗАКОНУ

ЗОЛОТО
ДЛЯ
ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ:
ТОРГСИН

ЕЛЕНА
ОСОКИНА

Historia Rossica

Елена Осокина

**Золото для
индустриализации. Торгсин**

«НЛО»

2022

УДК 336.743.22(091)(47+57)«193»
ББК 65.26-03(2)621

Осокина Е. А.

Золото для индустриализации. Торгсин / Е. А. Осокина —
«НЛО», 2022 — (Historia Rossica)

ISBN 978-5-4448-1675-2

Если вы читали роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита», то, наверное, помните сцену в столичном магазине «Торгсин», располагавшемся в самом конце Арбата у Садового кольца. В обмен на драгоценности и валюту великолепный магазин продавал советским гражданам и иностранцам «жирную розовую лососину», миткали, шифоны и другие модные товары ширпотреба и деликатесы. Но знаете ли вы, что в 1931–1935 годах в СССР работали полторы тысячи торгсинов? Золото, серебро, бриллианты, валюта, которые советские люди принесли в Торгсин, спасаясь от голода, позволили руководству страны купить иностранное оборудование для Магнитки, Уралмаша, Днепростроя и других гигантов рождавшейся советской индустрии. В интересах индустриализации Торгсин фактически узаконил валютную проституцию, а в погоне за золотом опередил главные советские экспортеры зерна, леса, нефти, а также ОГПУ, которое изымало у населения валютные ценности силой. Читатель узнает о том, что стало с золотом Российской империи, кто придумал торгсины, сколько стоил «Форд», о том, как золото испанской казны оказалось в хранилищах Госбанка в Москве, каков был собранный Торгсином драгоценный урожай и многое другое. Елена Осокина – доктор исторических наук, профессор, автор работ по социально-экономической истории 1920–1930-х годов.

УДК 336.743.22(091)(47+57)«193»

ББК 65.26-03(2)621

ISBN 978-5-4448-1675-2

© Осокина Е. А., 2022

© НЛО, 2022

Содержание

Предисловие ко второму изданию	6
Вступление: случайная находка	7
Часть 1	11
Глава 1	11
Глава 2	20
Глава 3	37
Глава 4	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Елена Осокина

Золото для индустриализации: Торгсин

Предисловие ко второму изданию

Моим родителям и их поколению посвящаю

У этой книги – довольно длинная история и счастливая судьба. Она вышла в 2008 году в издательстве РОССПЭН, стала бестселлером, а затем библиографической редкостью. Десять лет спустя я написала небольшую книгу «Алхимия советской индустриализации: Время Торгсина» для научно-популярной серии «Что такое Россия», которую издает «Новое литературное обозрение». В этой книге были представлены основные выводы моего исследования Торгсина, но в силу ее популярного характера и специфики этой серии отсутствовали атрибуты научной монографии – сноски на источники, таблицы, объяснение статистических расчетов, детализация анализа и др.

«Алхимия советской индустриализации» вызвала большой читательский интерес. В 2019 году книга стала лауреатом премии «Просветитель» как по результатам народного голосования, так и по мнению жюри. Успех свидетельствовал об интересе к теме Торгсина и востребованности этого исследования, не потерявшего со временем свою научную и общественную значимость. Поэтому я с энтузиазмом приняла предложение «Нового литературного обозрения» в полном объеме переиздать мою «большую» книгу о Торгсине 2008 года. Благодарю весь коллектив издательства и прежде всего его руководителя Ирину Дмитриевну Прохорову за интерес к моим работам. Особая благодарность – Татьяне Тимаковой, прекрасному редактору, с которой мы выпускаем уже третью книгу.

Поскольку со времени первого издания книги прошли годы, а историческая наука не стояла на месте, я внесла изменения в текст при подготовке второго издания. В основном они касаются включения новых исследований в раздел историографии. Кроме того, я изменила структуру книгу, более четко разделив ее на части. Отдельные сюжеты, например биографии председателей Торгсина, получили дальнейшее развитие благодаря письмам читателей, которые поделились со мной собственными исследованиями и семейными преданиями. Однако мои основные выводы о сути и роли Торгсина в истории советской индустриализации и голода 1930-х годов за десятилетие, прошедшее со времени выхода первого издания книги, не изменились. Они прошли проверку временем на научную добросовестность и прочность.

Вступление: случайная находка

*«Былое нельзя воротить – и печалиться не о чем?»
Из Булата Окуджавы*

В начале 1990-х годов, работая над книгой «За фасадом „сталинского изобилия“»¹, я нашла в Российском государственном архиве экономики отчет о работе торговой организации «Торгсин». Авторы отчета утверждали, что в первой половине 1930-х годов – решающее время для советской индустриализации – Торгсин купил у населения ценностей, достаточных для покрытия пятой части расходов на импорт промышленного оборудования, технологий и сырья. В отдельные годы вклад Торгсина был и того выше. В 1933 году ценностей, собранных через Торгсин, хватило, чтобы оплатить треть расходов СССР на промышленный импорт. В тот год по объемам валютной выручки Торгсин перегнал главных добытчиков валюты для страны – экспорт хлеба, леса и нефти. Это открытие потрясло меня. Благодаря роману Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» и мимолетным упоминаниям в научной литературе я знала, что такое Торгсин, но не предполагала, что вклад этой торговой организации в финансирование промышленного рывка был столь значительным.

Проблема методов и ресурсов форсированного промышленного развития СССР была одной из центральных в огромной историографии советской индустриализации. Особенно остро она обсуждалась в 1970–1980-е годы. В то время как советские ученые, следуя ленинскому тезису о решающем значении промышленности и рабочего класса (под руководством Коммунистической партии), доказывали, что главным источником индустриализации был рост внутрипромышленных накоплений², на Западе историки и экономисты спорили о роли сельского хозяйства и коллективизации в обеспечении инвестиций для развития промышленности³. Однако в этих дебатах ни в СССР, ни на Западе ничего не было сказано о роли Торгсина. Вклад Торгсина остался не оцененным. В книге «За фасадом „сталинского изобилия“» я посвятила Торгсину специальную главу, но сюжет заслуживал большего.

Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами на территории СССР, сокращенно Торгсин (18 июля 1930 – 1 февраля 1936), появилось в годы острого валютного кризиса первой пятилетки. Вначале малозначительная контора Мосторга, Торгсин продавал за валюту антиквариат иностранным туристам в Москве и Ленинграде, снабжал иностранных моряков в

¹ Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941. М., 1998 (1-е изд.), 2008 (2-е изд.).

² Анализ советской историографии см.: *Кульчицкий С. В.* Внутренние ресурсы социалистической индустриализации СССР (1926–1937). Киев, 1979. Анализ советской и западной историографии дан в статье: *Осокина Е.* Источники и методы обеспечения форсированной индустриализации в СССР. Статья написана в рамках проекта Института российской истории РАН по созданию многотомной истории России. Готовится к публикации.

³ *Millar J.* Soviet Rapid Development and the Agricultural Surplus Hypothesis // *Soviet studies*. Vol. 22. № 1. P. 77–93; *Mass Collectivization and the Contribution of Soviet Agriculture to the First Five-Year Plan: A Review article* // *Slavic Review*. Vol. 33. № 4. P. 750–760; *Ellman M.* Did the Agricultural Surplus Provide the Resources for the Increase in Investment in the USSR during the First Five-Year Plan? // *Economic Journal*. Vol. 85. P. 844–863. Дебаты см.: *A Debate on Collectivization. Was Stalin Really Necessary?* [Запись устного обмена мнениями между Алексеем Нгуэмом и Джеймсом Милларом 10 ноября 1975 г. в Дюкском университете] // *Problems of Communism*. XXXV. 1976. P. 49–62; *Millar J. R.* The Agricultural Surplus Hypothesis: A Reply to Alec Nove // *Soviet Studies*. 1971. Vol. 23. № 2. P. 302–306; *Nove A.* The Agricultural Surplus Hypothesis: A Comment on James R. Millar's Article // *Soviet Studies*. 1971. Vol. 22. № 3. P. 394–401; *Nove A.* A Reply to the Reply // *Soviet Studies*. 1971. Vol. 23. № 2. P. 307–308; а также: *Morrison D. J.* A Critical Examination of A. A. Barsov's Empirical Work on the Balance of Value Exchanges between the Town and the Country // *Soviet Studies*. 1982. Vol. 34. № 4. P. 570–584. Важную роль в западных дебатах сыграли работы советского экономиста А. А. Барсова: *Барсов А. А.* Баланс стоимостных обменов между городом и деревней. М., 1969; *Он же.* НЭП и выравнивание экономических отношений между городом и деревней // *Новая экономическая политика: Вопросы теории и истории* / Под ред. М. П. Кима. М., 1974. Из новейших исследований см.: *Allen R. C.* Farm to Factory. Reinterpretation of the Soviet Industrial Revolution. Princeton; Oxford, 2003. Русский перевод: *Аллен Р. С.* От фермы к фабрике: Новая интерпретация советской промышленной революции. М., 2013.

советских портах и иностранцев, работавших в СССР. Четвертого января 1931 года Торгсин получил всесоюзный статус⁴, а в июне открыл двери советским гражданам, которые в то время могли покупать товары в Торгсине за царский золотой чекан и в счет переводов валюты из-за границы, а затем и в обмен на бытовое золото (украшения, предметы утвари и быта). Со временем Торгсин стал принимать от населения серебро, платину, бриллианты и другие драгоценные камни, а также произведения искусства.

В 1932–1935 годах советские люди снесли в Торгсин почти 100 тонн чистого золота! Это – эквивалент порядка 40 % «гражданской»⁵ промышленной золотодобычи в СССР за тот же период. В те же годы золотой вклад гулаговского «Дальстроя» составил всего лишь немногим более 20 тонн. Но значение Торгсина для страны и истории не исчерпывалось его экономическими достижениями. Торгсин выполнил важную социальную миссию, дав миллионам людей возможность выжить в голодные годы первых пятилеток.

Чем дольше я работала над темой Торгсина, тем сильнее становилось мое убеждение, что случайная архивная находка открыла исследовательский Клондайк. Торгсин представлял захватывающую историю изобретательности и изворотливости советского руководства, а также уникальный пример крупномасштабного валютного предпринимательства *пролетарского* государства. Впервые и единственный раз в советской истории руководство страны разрешило своим гражданам платить в советских магазинах (торгсинах) иностранной валютой, золотым царским чеканом и другими ценностями⁶. В интересах индустриализации Торгсин фактически легализовал валютную проституцию, а в погоне за золотом превзошел «органы госбезопасности» – ОГПУ/НКВД, которые конфисковывали валютные ценности граждан силой. Но Торгсин был детищем не только сталинского руководства, но и общества. Во многом благодаря инициативе и настойчивости людей операции Торгсина вышли за пределы золото-валютных и стали включать многие другие виды ценностей. Миллионы советских покупателей определили и социально-культурный облик Торгсина. В преимущественно крестьянской стране немногие элитные торгсины деликатесов и модных товаров затерялись среди сотен неприглядных и грязных валютных лабазов, которые мешками продавали голодным гражданам ржаную муку, крупу и другие жизненно необходимые товары обыденного спроса.

Десятилетиями Торгсин хранил свои тайны. Его главными покупателями оказались вовсе не иностранцы, как утверждало название, а советские граждане, которые отдали свои сбережения на промышленное развитие страны. В числе тайн Торгсина было и то, что, скупая ценности у населения дешевле их мировой цены, пролетарское государство продавало продукты и товары своим соотечественникам в несколько раз дороже экспортной цены, по которой торговало этими товарами за границей. История Торгсина полна парадоксов. «Капиталистические» (рыночные) методы его работы служили делу построения социализма. Несмотря на заслуги перед страной, Торгсин так и не добился признания сталинского руководства, оставшись в политическом языке эпохи символом мещанства и обывательщины. Но не будем забежать вперед – это лишь немногие из открытий, о которых расскажет книга.

Эта книга – результат огромной архивной работы и научного анализа сотен документов, но моей целью было рассказать о сложном просто и интересно. Повествование о Торгсине следует хронологии событий – от рождения к взлету, а затем закату деятельности этой торговой организации. По мере развития рассказ обрастает тематическими сюжетами, среди которых – захватывающие биографии председателей Торгсина, валютная проституция портовых торгси-

---

⁴ Получение всесоюзного статуса означало, что Торгсин должен был развернуть работу на территории всего Советского Союза.

⁵ Гражданскими предприятиями золотодобывающей промышленности называли те, где, в отличие от ГУЛАГа, не применялся труд заключенных.

⁶ Хотя факт использования ценностей в качестве средства платежа был завуалирован обменом ценностей на «деньги» Торгсина.

нов на службе у индустриализации, дилемма белого эмигранта, который, помогая родственникам, оставшимся в СССР, укреплял ненавистный ему советский строй, а также истории золота, серебра, бриллиантов, социальные портреты покупателей и продавцов, рассказы о том, что люди покупали в Торгсине и сколько стоил «Форд», перипетии сотрудничества и соперничества Торгсина и ОГПУ/НКВД и, наконец, открытие тайн и осмысление парадоксов Торгсина. Каждая глава является самостоятельным рассказом и интересна сама по себе, собранные же вместе, эти истории представляют трагическое время Торгсина во всей его сложности и богатстве деталей.

Исследование Торгсина не только открывает неизвестную и захватывающую страницу истории отечества; анализ его деятельности позволяет сделать и концептуальные выводы о принципах функционирования советской экономики, особенностях повседневной жизни в СССР и путях развития советской потребительской культуры, а в конечном счете увидеть новое в сталинизме. Дебатам историков о сталинизме и советском социализме, а также роли исследования Торгсина в понимании этих явлений ушедшего столетия посвящена заключительная часть книги.

Эта книга вводит в научный оборот большой массив статистики 1930-х годов – данные о советском экспорте, золотоскупке и золотодобыче, показатели работы Торгсина и некоторых особо важных экспортных объединений страны и др. В этом качестве книга послужит источником первичной информации для историков и экономистов. В книге представлены и мои собственные расчеты экономических показателей: золотодобыча СССР, рентабельность Торгсина, себестоимость добытого им золота и золота ГУЛАГа и др.

Читатель наверняка уже заметил разное написание слова «торгсин». Словосочетание типа «Ленинградский Торгсин» означает «Ленинградская контора Торгсина». С маленькой буквы в единственном и множественном числе слово «торгсин(ы)» употребляется как синоним слова магазин(ы) Торгсина.

Эта книга состоялась благодаря помощи многих людей – моей семьи и друзей, коллег, случайных знакомых и даже незнакомцев. Моя благодарность им огромна. Без их помощи книга лишилась бы уникальных материалов. Я в неоплатном долгу перед Сергеем Журавлевым и Татьяной Смирновой, Евгением Кодиным и Демьяном Валуевым, Дагласом Нортропом и Хуршидой Абдурасуловой, Андреем Сазановым, Криспином Бруксом и Терри Мартином, Андреем Горчаковым и Инной Давидович, которые, каждый по-своему, помогли мне в сборе материалов для этой книги. В этой связи знаменательны несколько историй.

В конце 1990-х годов, находясь в Смоленске на конференции, я сделала запрос о возможности поработать в местном архиве в фонде Торгсина. Но узнала, что архивное хранилище находится в аварийном здании и доступа туда нет. Ничего не изменилось и через несколько лет, когда в начале нового тысячелетия я поинтересовалась положением дел. Однако Евгений Кодин, историк, профессор Смоленского педагогического института, договорился с администрацией архива, отправил машину и перевез фонд Торгсина в безопасное место в читальный зал архива. Если бы не он, архив Смоленского Торгсина все еще бесполезно пылился бы в полуразрушенном хранилище, а из этой книги исчезли бы многие важные страницы.

Я работала над книгой так долго, что казалось, уже не только семья и друзья, но и коллеги-историки знали, что я пишу о Торгсине. Профессор Гарварда Терри Мартин, работая над своими сюжетами, нашел в архиве материалы судебного дела заместителя председателя Торгсина Муста и сделал для меня копии. Мой однокурсник, историк и археолог Андрей Сазанов, нашел для меня в Российской государственной библиотеке, которую мы по старой привычке все еще называем Ленинкой, любопытную брошюру – инструкцию по приемке и оценке драгоценных металлов в Торгсине 1933 года издания. Куратор архива видеозаписей Института Фонда Шоа Криспин Брукс рассказал мне о существовании огромного массива интервью с очевидцами и жертвами украинского голода. Криспин Брукс, который сам занимается истори-

ческими исследованиями на материалах этого архива, передал в мое пользование выдержки из показаний людей, в которых упоминается Торгсин⁷.

Спасибо тем, кто стоял у истоков этого исследования, – Юрию Павловичу Бокареву, который в конце 1980-х годов посоветовал мне заняться историей советской торговли и потребления; Николаю Кременцову, с которым в 1994 году, будучи стажерами Института Кеннана в Вашингтоне, мы обсуждали мою самую первую статью о Торгсине. Огромное спасибо и всем тем, кто помогал мне на заключительном этапе работы над книгой – прочитал рукопись и высказал замечания, а также в беседах или переписке со мной обсуждал Торгсин: Юрию Павловичу Бокареву, Линн Виоле, Юрию Марковичу Голанду, Юкке Гронову, Сергею Журавлеву и Юрию Слёзкину.

Российский государственный архив экономики был главным архивом для этого исследования. Хочу сердечно поблагодарить директора РГАЭ Елену Александровну Тюрину и работников читального зала в хранилище за помощь в работе и неизменное дружеское отношение ко мне. Прошло уже много лет, но я вспоминаю время, проведенное в этом архиве, с теплыми чувствами и признательностью к этим людям.

Моя особая благодарность принадлежит первому издателю этой книги – коллективу РОССПЭН и его директору Андрею Константиновичу Сорокину, которые дали ей путевку в жизнь.

Книга написана при поддержке Национального фонда гуманитарных исследований (National Endowment for the Humanities), США. Грант этого фонда на год освободил меня от преподавания и позволил закончить рукопись.

Эту книгу я посвящаю родителям, Анне Петровне и Александру Андреевичу Осокиным, а вместе с ними – всему поколению рожденных в сталинские 1930-е.

Надеюсь, что открытия этой книги увлекут читателя, как они увлекли меня.

---

⁷ Создатели электронного архива не предусмотрели поисковое слово «торгсин». Без помощи Криспина Брукса, который уже проделал большую часть поисковой работы для собственного исследования, мне пришлось бы просматривать сотни интервью, чтобы найти упоминания о Торгсине.

Часть 1

Страна Торгсиния

Глава 1

Конторка Мосторга

Малопримечательное событие – Торгсин родился. Иностранцы моряки и туристы – первые клиенты Торгсина. Магазин на «котиковой улице». «Хочешь жить в СССР – имей рубли»: экстремизм валютной монополии. «Вам доллары прислали, но вы их не получите»: советский покупатель пробивается в Торгсин

Специальная контора по торговле с иностранцами на территории СССР, сокращенно Торгсин, была создана 18 июля 1930 года постановлением Наркомата торговли СССР⁸. Имя было явно больше самого явления. В момент создания Торгсин представлял всего лишь небольшой отдел в системе столичной торговли, которой заведовал Мосгорторг⁹. К концу 1930 года Торгсин вышел за пределы столицы и стал превращаться во всесоюзную организацию. Его представительства и конторы появились в некоторых республиках, краях и областях, но пока они были еще настолько слабы, что самостоятельного статуса не имели, теряясь среди других отделов местных торгов¹⁰. Четвертого января 1931 года Торгсин получил статус всесоюзного объединения Наркомата внешней торговли, однако до его действительно общенационального взлета оставался еще целый год.

До Торгсина торговое обслуживание иностранцев было расплывлено между многими организациями. Появление Торгсина стало частью общего процесса государственной централизации и монополизации, проходившего на рубеже 1920–1930-х годов. Создавая Торгсин, правительство стремилось сконцентрировать валютные торговые операции с иностранцами на территории СССР в одном ведомстве¹¹. Задача, поставленная перед Торгсином, была ясна – не допустить, чтобы иностранцы, приезжавшие в СССР, увозили валюту домой.

До ноября 1930 года Торгсин занимался главным образом снабжением иностранных судов и советских кораблей заграничного плавания. Список первых торгсиновских контор повторял географию морских портов СССР: Евпаторийская, Архангельская, Новороссийская, Владивостокская, Таганрогская, Батумская...¹² Работа предстояла большая. До появления

---

⁸ Наркомат торговли был создан в 1924 году на базе Комиссии по внутренней торговле (Комвнуторг) при СТО СССР. С 1925 по 1931 год был объединен с Наркоматом внешней торговли в единый Наркомат внешней и внутренней торговли СССР. В 1931 году в связи с введением всесоюзной карточной системы внутренней торговлей стал заниматься Наркомат снабжения, а внешней – Наркомат внешней торговли СССР. В 1934 году в связи с подготовкой отмены карточной системы на базе Наркомата снабжения были созданы Наркомат пищевой промышленности и Наркомат внутренней торговли. В 1938 году Наркомат внешней торговли, который с 1931 года существовал отдельно, был объединен с Наркоматом внутренней торговли в единый Наркомат торговли.

⁹ Мосгорторг – Московское объединение предприятий торговли.

¹⁰ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4433. Оп. 1. Д. 3. Л. 150.

¹¹ Это удалось лишь отчасти. Параллельно с Торгсином иностранцами занимались «Интурист», Инснаб, «Отель», Сектор валюты и международных расчетов Наркомфина и, конечно, ОГПУ. Хотя у каждой из этих организаций была своя специализация в работе с иностранцами, будь то экскурсионное или гостиничное обслуживание, определение порядка валютных расчетов или политический надзор, в деятельности каждой из них были и элементы валютной торговли. Руководство Торгсина считало себя монополистом в деле внутренней валютной торговли и болезненно реагировало на валютную конкуренцию других ведомств.

¹² Во втором квартале 1931 года в Торгсине было 17 контор: Московская, Ленинградская, Архангельская, Владивостокская, Новороссийская, Евпаторийская, Одесская, Херсонская, Николаевская, Мариупольская, Батумская, Бакинская, Потий-

Торгсина портовая торговля была обязанностью Совторгфлота¹³, однако тот выполнял ее хаотично и без должного валютного эффекта. Как сетовало руководство Торгсина, принимая дела от Совторгфлота, «опыта концентрированного обслуживания иностранцев и снабжения иносудов» ни у кого не было¹⁴. Иностранные капитаны, зная это, затоваривались продовольствием, предметами первой необходимости и строительно-ремонтными материалами заранее, до захода в советские порты.

Среди первых клиентов Торгсина были также иностранные туристы и иностранцы, проезжавшие транзитом. Торговля Торгсина шла в киосках гостиниц «Интуриста» в Москве и Ленинграде, а также в павильонах на пограничных пунктах – последний шанс заполучить валюту покидавших пределы СССР иностранных граждан. Затем Торгсин открыл свой первый универсальный магазин. В ноябре 1930 года Комиссия по разгрузке Москвы передала Торгсину бывший Михайловский дом на углу Петровки и Кузнецкого моста для организации универмага «закрытого типа». Выбор места был удачный и вряд ли случайный. До революции и в годы нэпа Петровка была сосредоточием модных магазинов. В народе ее называли «котиковой» улицей: в лучшие времена там гуляли дамы, одетые дорого и по последней моде¹⁵. В начале 1930-х улица выглядела не столь блистательно, но бывшая слава жила.

В продаже в первом универмаге Торгсина были филателия, ковры, меха, антиквариат, а также винно-водочные изделия и некоторые продовольственные товары экспортного качества. Желанный и дефицитный для советского покупателя ширпотреб – ткани, одежда, обувь – был исключен из ассортимента продаж. Он не представлял интереса для иностранцев и лишь привлекал ротозеев¹⁶. Товары поступали от Мосторга, и цены на них были от 10 до 50 % выше советских экспортных цен на аналогичные товары¹⁷. Политика советского правительства – продавать внутри СССР дороже, чем за границей, – продолжалась и после того, как Торгсин открыл двери советским гражданам. Она особенно расцвела в период массового голода – время печального триумфа Торгсина.

В начале 1931 года, вслед за Москвой, у Торгсина появились свои магазины и в Ленинграде: небольшой универмаг в гостинице «Октябрьская» и несколько киосков – табачный, кустарно-экспортный и продуктовый – в «Европейской»¹⁸. Антикварный магазин Торгсина, который вначале был частью универмага, в октябре 1931 года стал работать самостоятельно, напрямую подчиняясь Ленинградской конторе Торгсина¹⁹. По путевке райкома партии туда пришел новый директор. Как и многие другие чиновники, занятые продажей художественных ценностей иностранцам, он мало смыслил в антиквариате, но был предан партии.

Не удивительно, что деятельность Торгсина в Ленинграде в «интуристский период» его существования имела ярко выраженную антикварную специфику. Город был наполнен художественными ценностями. Много было накоплено за двухсотлетнюю историю Санкт-Петербур-

ская, Тифлисская, Таганрогская, Ейская и Феодосийская (РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 8. Л. 15).

¹³ Акционерное общество «Совторгфлот» было создано в системе Наркомата путей сообщения СССР в июле 1924 года постановлением Совета труда и обороны СССР. Создание Совторгфлота являлось частью процесса государственной централизации, проходившего в тот период, и положило начало новой советской отрасли – морскому транспорту. В ведение Совторгфлота перешли суда разных ведомств, порты, судоремонтные предприятия и учебные заведения, связанные с подготовкой кадров для морского и речного флота.

¹⁴ РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 4. Л. 83; Д. 8. Л. 5.

¹⁵ Интересное описание Петровки и ее торговой жизни в годы нэпа приводит Г. В. Андреевский в книге «Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1920–1930-е» (М., 2003. С. 22–25).

¹⁶ Условия продажи, ассортимент, круг покупателей, цены и порядок расчетов в Торгсине обсуждались 21 августа 1930 года на совещании в Наркомфине (РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 3. Л. 3–4).

¹⁷ Первоначальная (август 1930 года) формула расчета цен в Торгсине включала оптовую цену, акциз (налог) и накладные расходы (РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 3. Л. 4). Налог на ювелирные изделия превышал 40 % (Там же. Л. 165).

¹⁸ Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге (ЛОГАВ). Ф. 1154. Оп. 1. Д. 4. Л. 1 об.

¹⁹ На 1 ноября 1931 года в магазине было 15 тыс. антикварных и художественных вещей (ЛОГАВ. Ф. 1154. Оп. 1. Д. 13. Л. 13).

бурга – молодой столицы Российской империи. Революция превратила город в депозитарий ценностей – частные лица с началом смуты передали свои ценности на хранение в Эрмитаж – как оказалось, безвозвратно. Кроме того, с приходом к власти большевиков в хранилища Эрмитажа стали свозить конфискованные художественные коллекции со всей страны.

Вначале только иностранцы, кратковременно пребывавшие в СССР, могли покупать в Торгсине²⁰. Инструкции правительства запрещали продажу товаров иностранным гражданам, если те постоянно или долговременно находились в СССР. В их число попали сотрудники иностранных посольств и миссий, концессионеры, служащие иностранных фирм, тысячи специалистов и рабочих, приехавших в СССР на стройки социализма по идеологическим соображениям или спасаясь от депрессии на Западе. Этих иностранцев должен был обслуживать Инснаб – государственное торговое предприятие, которое имело сеть своих закрытых распределителей²¹. В годы карточной системы первой половины 1930-х годов продажа в них была нормирована и шла исключительно на советские деньги.

Изначальный запрет иностранцам, длительно проживавшим в СССР, покупать товары за валюту в Торгсине противоречил экономической целесообразности. Запрет был одним из проявлений экстремизма государственной валютной монополии в СССР на рубеже 1920–1930-х годов, страстным поборником которой в то время выступал Наркомат финансов²². Хотя иностранцам разрешалось иметь при себе наличную валюту, Наркомфин пытался до минимума ограничить сферу ее использования в качестве средства платежа внутри СССР. Так, при торговом обслуживании иностранных судов валютные операции были ограничены расчетами с капитаном²³. Чаще всего наличной валюты у иностранных матросов не было. Их покупки записывали на счет парохода. Зафрахтовавшая судно компания затем оплачивала счета Торгсина. Немногочисленные иностранные туристы²⁴, приезжавшие посмотреть первое коммунистическое государство, согласно постановлениям Наркомфина, не имели права платить иностранной валютой внутри СССР. Наркомфин требовал, чтобы туристы платили за услуги и товары, в том числе и в Торгсине, не «эффективной валютой» – иностранными деньгами²⁵, а советскими рублями «валютного происхождения».

²⁰ См. протокол совещания в Наркомфине от 21 августа 1930 года по вопросу о порядке продажи иностранцам предметов старины и искусства. Круг покупателей Торгсина Наркомфин согласовывал с НКВД и ОГПУ (РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 3. Л. 3–4).

²¹ Инснаб – специальная контора Государственного объединения розничной торговли (ГОРТ) по снабжению иностранных специалистов и рабочих продовольствием и промышленными товарами – была создана в 1931 году в связи с введением в стране карточной системы. У Инснаба были свои магазины, парикмахерские, фотоателье и ателье мод и другие предприятия, которые должны были обслуживать семьи иностранных специалистов, приехавших работать в СССР по контракту. В 1932 году Инснаб был передан Торгсину, а прекратил свою работу 1 июля 1935 года в связи с отменой карточной системы в СССР. См. постановление СНК от 8 июня 1935 года «О ликвидации Всесоюзной конторы по снабжению иностранных специалистов и рабочих Инснаб» (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5446. Оп. 16а. Д. 346). Подробно о снабжении иностранных специалистов и иерархии государственного снабжения первой половины 1930-х годов см.: *Осокина Е. А.* За фасадом «сталинского изобилия».

²² Удивительно, как взгляды руководителей учреждения могут изменить его роль в истории. Под водительством Г. Я. Сокольникова в период реформы червонца первой половины 1920-х годов Наркомфин был ярым защитником легального валютного рынка в противовес запретительной позиции руководителей Госплана и ВСНХ. Подробно об этом см.: *Голанд Ю.* Валютное регулирование в период НЭПа. М., 1998.

²³ Услуги Торгсина по снабжению советских судов заграничного плавания оплачивались по безналичному расчету Совторгфлотом. Советские моряки, ходившие в заграничные рейсы, а также их семьи получали товары из Торгсина и индивидуально, по специальным документам, которые Совторгфлот выдавал им в счет их валютной зарплаты. Таким образом, и в этом случае валюта как средство платежа была обезличена.

²⁴ В навигацию 1931 года ожидалось прибытие морским путем в Ленинград 15 тыс. туристов (ЛОГАВ. Ф. 1154. Оп. 1. Д. 4. Л. 7 об.).

²⁵ В официальных документах того времени рубли, несмотря на их неконвертируемость, именуется валютой (советской). Видимо, чтобы не было путаницы, о какой валюте идет речь, финансовые органы называли иностранную валюту «эффективной», или сокращенно «эффективью», тем самым признавая ее фундаментальное отличие от рубля, который, стало быть, признавался валютой неэффективной.

По внешнему виду отличить простой рубль от рубля валютного происхождения было невозможно, но разница между ними была существенная. Валютными считались те рубли, которые иностранец получил в результате легального обмена ввезенной в СССР валюты. Всякий раз, когда иностранный турист в СССР платил рублями за товары экспортного качества, он должен был предъявлять квитанции Госбанка СССР об обмене валюты. Другим легальным средством платежа были валютные чеки²⁶. Финансовые органы, таким образом, хотели быть уверены в том, что валюта из бумажников иностранных туристов попала советскому государству, а не ушла на черный рынок, где обменный курс был более привлекательным, чем официальный. Более того, иностранные туристы обменивали валюту на рубли в Госбанке «без права обратного обмена». Неконвертируемость советских денег заставляла иностранных туристов тратить все рубли валютного происхождения в СССР. Ввезенная в СССР валюта могла потерять свой легальный статус, если по истечении трех месяцев после въезда в страну владелец не положил ее на специальный счет в банке²⁷.

Советское государство стремилось держать под контролем валютные средства и тех иностранцев, которые приезжали работать в СССР по контракту. Контракт определял, какая часть зарплаты будет выплачена в валюте, а какая в рублях. Валютная часть зарплаты не выдавалась на руки иностранцу, а переводилась на его банковский счет за границей. Жить же в СССР он должен был на рублевую часть своей зарплаты. Вначале, в 1930–1931 годах, валютные выплаты, как и сама зарплата иностранных специалистов, были щедрыми – советское правительство ожидало, что «преимущества планового хозяйства», соединенные с профессиональным опытом и технологиями Запада, совершат чудо, но этого не случилось. Разочарование и крайняя нужда государства в валютных средствах привели к тому, что правительство при заключении договоров с иностранными специалистами стало урезать как саму зарплату, так и ее валютную часть.

В самом конце 1930 года Наркомфин наконец-то отменил искусственное ограничение, которое к тому же повсеместно нарушалось, и официально разрешил иностранцам, длительно проживавшим в СССР, покупать в Торгсине, но только за советские рубли «валютного происхождения», то есть за счет уменьшения валютной части зарплаты, уходившей за границу²⁸. Продажа изделий из драгоценных металлов и камней допускалась только с разрешения Наркомфина. Из Наркомфина вновь повторили, что прием иностранной валюты, наличной или в чеках, в оплату товаров на внутреннем рынке от иностранцев, длительно проживающих в СССР, категорически запрещается.

Экстремизм государственной валютной монополии мешал выполнению валютного плана Торгсина, поэтому, несмотря на протесты Наркомфина, Торгсин продавал товары иностранным туристам и иностранцам, длительно проживавшим в СССР, за наличную валюту и «забывал» проверять справки о происхождении советских рублей²⁹. По мере обострения государственной валютной нужды Наркомфин вынужден был ослаблять хватку. Не имея возможности остановить практику продаж иностранцам за валюту, Наркомфин стал требовать, чтобы Торгсин хотя бы принимал только ту валюту, которую иностранец имел право вывезти из СССР³⁰. Иными словами, Торгсин не мог просто получать в оплату за товары доллары или фунты стер-

²⁶ Появившиеся в 1931 году валютные чеки Госбанка выпускались в червонцах достоинством 5, 10 и 25 рублей. Купить их могли только иностранцы в Госбанке или по поручению Госбанка в обмен на валюту, при необходимости их можно было обменять на совзнаки или иностранную валюту. В качестве платежного средства чеки принимались наравне с иностранной валютой. Чеки были именные. Срок действия чека для размена его на валюту был один год со дня его продажи Госбанком. См. Положение о тревелерс-чеках Госбанка, утвержденное 24 сентября 1931 года (РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 8. Л. 59, а также Д. 4. Л. 83).

²⁷ РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 8. Л. 59 и об.

²⁸ Там же. Л. 83; Д. 8. Л. 32 и об.

²⁹ О нарушениях свидетельствуют письма Наркомфина. РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 8. Л. 32 и об.

³⁰ Там же.

лингов, он должен был убедиться, что эта валюта «не снята с вольного рынка», а была легально ввезена в СССР. В мае 1931 года в связи с развитием деятельности Торгсина Наркомфин «для упрощения техники торговли» отменил и это правило, разрешив Торгсину не требовать у иностранцев документов о происхождении валюты.

Советская пограничная таможня следила за тем, сколько валюты иностранец ввозил и вывозил из СССР. Иностранному туристу не мог вывезти валюты больше, чем он ввез, или даже столько же, сколько ввез. Вычету подлежал прожиточный минимум. В июне 1931 года прожиточный минимум для иностранцев был установлен в размере 10 руб. в сутки³¹. Кроме того, согласно инструкции Наркомата торговли и Наркомата финансов от 8 июля 1930 года, купленные иностранными туристами товары, и особенно изделия из драгоценных металлов и камней, могли быть вывезены только в счет ввезенной валюты. Продавцы в Торгсине должны были предупреждать покупателей об этом и ставить на расчетные квитанции магазина «погасительный штамп» – «В счет обратного вывоза валютных ценностей»³². Таможенники при выезде иностранцев из СССР производили сложные расчеты, решая, сколько валюты разрешить к вывозу. Они сверяли данные о ввозе и обмене валюты, счета на покупку товаров с «погасительными штампами» и высчитывали прожиточный минимум на период пребывания в СССР. По настоянию Наркомфина Торгсин при продаже товаров обязан был учитывать прожиточный минимум иностранца, то есть следить, чтобы иностранец не тратил больше той суммы, что была указана в разменной квитанции Госбанка – документе об официальном обмене валюты³³. Только в мае 1933 года Наркомфин, принимая во внимание выгодность торгсиновской торговли, согласился пересмотреть правило о вывозе драгоценностей в счет «валютной нормы» иностранцев и разрешил им беспрепятственный вывоз купленных в Торгсине ценностей³⁴.

Появление Торгсина вело к расширению сферы легальных валютных операций в СССР, поэтому в обсуждении вопроса о целесообразности и пределах деятельности Торгсина участвовали все валютные ведомства, в первую очередь Политбюро и его «золотые» комиссии, а также Наркомфин, Госбанк, Наркомвнешторг и, разумеется, ОГПУ. Наркомфин был не единственным, кто противился расширению легальных валютных операций в стране. Против Торгсина как «ненужной инстанции» выступили в регионах и некоторые полномочные представительства ОГПУ³⁵. Формальным доводом к тому была «политическая нецелесообразность» – боязнь недовольства, которое могли вызвать у рабочих элитные магазины для иностранцев.

В документах нет других объяснений неприязненного отношения ОГПУ к Торгсину, но представляется, что здесь сыграл роль конфликт ведомственных интересов. С появлением Торгсина, вокруг которого роились валютные спекулянты, у ОГПУ, призванного бороться с черным рынком, прибавилось работы. В последующие годы взаимоотношения Торгсина и ОГПУ/НКВД были противоречивы. Органы государственной безопасности видели в Торгсине удачливого соперника в деле добывания золота и валюты, но и невольного помощника: Торгсин непреднамеренно выявлял «держателей ценностей», а ОГПУ/НКВД для выполнения собственного валютного плана оставалось лишь провести аресты и конфискации среди торгсиновских клиентов.

³¹ РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 5. Л. 116.

³² Там же. Д. 8. Л. 32. Исключение составляли продукты, табак и другие необходимые предметы повседневной жизни. На них счета с погасительными штампами не составлялись, но стоимость этих товаров вычиталась из вывозимой суммы валюты в виде прожиточного минимума.

³³ РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 4. Л. 83. Прожиточный минимум для иностранцев, видимо, был отменен осенью 1932 года, что было частью более широкого процесса ослабления валютных ограничений.

³⁴ Там же. Д. 88. Л. 50.

³⁵ Там же. Д. 3. Л. 80.

Наркомат иностранных дел СССР вначале тоже возражал против открытия магазинов Торгсина на центральных улицах, а также против его широкой рекламы³⁶. Протесты НКВД объяснялись боязнью недовольства иностранцев, длительно проживавших в СССР, в числе которых были и представители дипломатического корпуса. Изначальный запрет покупать товары в Торгсине ущемлял их права. После того как дипломатов допустили в Торгсин, возражение НКВД отпало.

Ну а что же советские граждане? Вначале правительство запрещало им не только покупать товары в Торгсине, но даже заходить в его магазины. Директивы Наркомфина грозно напоминали, что принимать иностранную валюту от советских граждан в уплату за товары категорически воспрещается. Чтобы не искушать советского потребителя и не привлекать ротозеев, Торгсину не рекомендовалось прибегать к широкой рекламе и оформлять витрины. Плакаты предупреждали: «Магазин обслуживает только интуристов и транзитных пассажиров». Делу недопущения советских граждан в Торгсин помогало и то, что основной ассортимент его магазинов – антиквариат, ковры, меха – не привлекал большинство населения страны, жившей впроголодь.

Однако среди советских граждан даже в худшие времена в истории страны были те, кто «при валюте» и с золотишком. Изобретательность людей не знает предела, так что уверенно можно сказать, что в Торгсин даже в начальный «интуристский» период его существования нелегально проникали и советские покупатели. Тем более что, согласно инструкции, прямой вопрос «Вы – иностранец?» считался в Торгсине нежелательным, а просьба предъявить документы допускалась только в случае полной уверенности, что в магазин проник чужак. Да, нелегко приходилось работникам Торгсина: по инструкции, они должны были не только определить, какой доллар поступил к оплате – легально ввезенный в страну или «снятый с вольного рынка», какой рубль они держали в руках – простой или валютного происхождения, но и по внешним признакам решить, кто перед ними – советский человек или иностранец. В случае обнаружения «чужака» милиция и ОГПУ конфисковывали товары и валюту.

Валюта у советских людей была. Она лежала в кубышках, оставшихся от царского времени, нелегальной торговли времен Гражданской войны и валютных операций нэпа. Валюта продолжала поступать в СССР из-за границы контрабандой. В соседних с Россией странах Прибалтики и Польше, а также во Франции и Китае российские эмигранты открывали фирмы, которые брались нелегально доставить валюту по адресу. Местные газеты пестрели подобными объявлениями. Валюта приходила советским гражданам от родственников и друзей за границей, вложенная в письма и посылки. Черный рынок служил главным механизмом перераспределения и распространения валюты внутри страны.

В начале 1930-х годов едва ли не единственным легальным способом получить валюту для советских людей были банковские и почтовые переводы из-за границы. Но и в этом случае Наркомфин проводил, по его собственным словам, политику «жесткого зажима», стараясь оставить как можно больше «эффективной валюты» у государства, а получателям переводов вместо долларов и фунтов всучить рубли по официальному обменному курсу. В соответствии с директивой Наркомфина, в начале 1930-х годов банки имели право выплачивать в валюте по платежным поручениям из-за границы не более четверти переведенной суммы, остальное выдавали в рублях. Но и эту валюту советские люди могли получить только со скандалом при категорическом требовании и угрозе отсылки перевода назад³⁷. Иностранцы в СССР не составляли исключения. При получении денежных переводов из-за границы основная часть суммы выплачивалась им в рублях.

³⁶ РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 3. Л. 97.

³⁷ РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 8. Л. 55–56, 63.

Ситуация начала меняться летом 1931 года с распространением небеспочвенных слухов о том, что Торгсин скоро будет обслуживать советского покупателя. В этих условиях люди стали более решительно отказываться от получения рублей по переводам из-за границы, требуя выплат в валюте. Массовые отказы от заграничных переводов заставили финансовые органы принять меры. Однако и в этом случае Наркомфин пытался решить проблему «безналичным способом», максимально сохранив государственную валютную монополию – на руки валюту не выдавать, а переводить на счет Торгсина. К тому же вначале Наркомфин запрещал переводить всю сумму валютного перевода на Торгсин³⁸. Ленинградская областная контора Госбанка даже пыталась определить «норму перевода валюты» на Торгсин. По мнению ее руководителей, пяти долларов в месяц было бы достаточно для покупки необходимых товаров в дополнение к существовавшим в то время продовольственным пайкам.

Документы свидетельствуют, что давление, шедшее «снизу», от общества, привело к расширению легальных валютных операций в стране. В августе 1931 года Всеукраинская контора Госбанка сообщала в Москву:

В городе (Харьков. – Е. О.) циркулируют слухи, что магазин «Торгсин» будет продавать разные товары за инвалюту всем без исключения гражданам. В силу этих слухов многие переводополучатели упорно настаивают на выдаче им инвалюты по переводам и воздерживаются от получения (рублей. – Е. О.) по переводам. Если до сего времени мы могли *убедить нашу клиентуру в том, что ей инвалюта не нужна* (курсив мой. – Е. О.), то с открытием магазина «Торгсин» нам это никак не удастся, и мы, очевидно, вынуждены будем выплачивать по всем без исключения переводам наличную валюту.

Показателен ответ Москвы: если граждане угрожают отправить перевод назад, беспрепятственно перечисляйте деньги на Торгсин³⁹. Сообщения, поступавшие из отделений Госбанка в Одессе, Ленинграде, Киеве, Тифлисе и других городах, подтверждали, что требования наличной валюты крайне участились, люди почти поголовно отказывались брать рубли, копилась неоплаченная переводы, приток валюты в кассы Госбанка сократился, а то и вовсе прекратился, а банки, не дожидаясь указаний свыше, «явочным порядком» перечисляли валюту по переводам, пришедшим из-за границы на счет Торгсина⁴⁰.

Восемнадцатого сентября 1931 года Наркомфин принял официальное решение по этому вопросу⁴¹. По сути оно узаконило практику, стихийно распространившуюся в регионах летом. Советские люди при поступлении на их имя перевода из-за границы получили право перечислять всю сумму или ее часть во Внешторгбанк на «особый централизованный счет № 75-а», а затем по квитанциям банка покупать товары в Торгсине. Их родственники и друзья за границей могли перевести для них деньги и напрямую на Торгсин. Этим же постановлением разрешалось переводить деньги с инвалютных счетов советских граждан, работавших за границей, на Торгсин. Остаток суммы, после вычета перечислений на Торгсин, советские граждане получали в рублях. Наркомфин в специальном разъяснении вновь повторил, что получать наличную валюту на руки советские люди могут только при категорическом требовании и не более четверти суммы перевода. Послабление было сделано лишь для иностранцев, которые могли

³⁸ По валютным переводам, поступавшим в СССР через Красный Крест и Бюро по инправу, Наркомфин СССР в сентябре 1931 года установил, что с перевода до 100 долларов разрешалось перечислять на Торгсин только до трети суммы. Норма перечислений на Торгсин падала по мере возрастания суммы годового перевода. С перевода от 300 до 500 долларов разрешалось перечислять на Торгсин только около четверти, а с перевода от 5000 долларов и выше только 7 % суммы (РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 8. Л. 61).

³⁹ Там же. Л. 90, 91.

⁴⁰ РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 8. Л. 89.

⁴¹ Протокол межведомственного совещания при Секторе валюты и международных расчетов НКФ СССР. РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 8. Л. 55–56.

по своему выбору взять или рубли, или валюту по денежному переводу, пришедшему из-за границы⁴². Этим же постановлением Наркомфин разрешил выдавать иностранным туристам сдачу в валюте при оплате за товары в Торгсине наличной иностранной валютой. Ранее кассиры отказывались это делать, выдавая сдачу в рублях.

Анализ начального периода работы Торгсина, проведенный в этой главе, свидетельствует о том, что руководство страны, вопреки соображениям экономической выгоды и целесообразности, тяжело расставалось с государственной валютной монополией. Опасаясь утечки валюты к частнику, который платил больше, Наркомфин пытался свернуть легальные операции с наличной валютой внутри страны. Строгий валютный режим должен был способствовать концентрации валюты в руках государства, но эффект оказался обратным. Запретив легально использовать валюту в стране, руководство страны перекрыло многие источники ее поступления в государственный бюджет. Поскольку спрос на валюту и ее предложение в стране существовали, она уходила по нелегальным каналам к частнику. На черном рынке валюту можно было выгодно продать за рубли или купить на нее дефицитные товары. Услугами валютного черного рынка пользовались не только советские люди, но и иностранцы. Так, скупка рублей по выгодному курсу на черном рынке была обычной практикой дипломатических миссий в СССР. А что еще оставалось делать? Ведь и дипломаты должны были жить в СССР на рубли⁴³. Жесткая государственная валютная монополия превращала значительную часть населения страны в вынужденных валютных спекулянтов.

Между тем молох индустриализации быстро пожирал скудные валютные и золотые резервы СССР. Вопрос, где взять валюту на покупку оборудования, технологий и сырья для строившихся промышленных предприятий, стал к началу 1930-х годов для руководства страны первостепенным. Основным источник валюты – сельскохозяйственный экспорт не давал должного эффекта. В условиях великой депрессии, поразившей Запад, мировые цены на сельскохозяйственную продукцию катастрофически упали. СССР пытался компенсировать падение валютных поступлений по экспорту наращиванием физических объемов вывоза сельскохозяйственной продукции, все более обостряя дефицит продовольствия на внутреннем рынке и обрекая свой народ на голод. «Золотые» комиссии Политбюро лихорадочно искали дополнительные валютные источники, не брезгуя ничем.

Торгсин стал одним из многих золотых ручейков, которыми валюта текла в госбюджет. Но доходы Торгсина в «интуристский период» его работы, искусственно ограниченные пределами легальных валютных операций в стране, были мизерны. Парадоксально: в конце 1920-х годов ужесточение валютного режима было сделано в интересах индустриализации, но именно нужды промышленного развития затем заставили руководство страны ослабить валютную монополию. Символично, что два ведомства, финансовое и торговое, выступили выразителями двух боровшихся тенденций: Наркомфин пытался сдерживать развитие легальных валютных операций в стране, а Торгсин для усиления притока валюты, от которой зависело выполнение плана его торговли, подталкивал их развитие. В этом же направлении работала и инициатива «снизу» – давление общества, пытавшегося приспособиться к жизни в условиях острого товарного и продовольственного кризиса. Находясь в тисках валютного дефицита, руководство страны расширило круг клиентов «интуристского» Торгсина, сначала, в декабре 1930 года, разрешив иностранцам, длительно проживавшим в СССР, покупать в его магазинах в счет валютной части их зарплаты. В начале осени 1931 года вышло официальное разрешение

⁴² Там же. Л. 63.

⁴³ Только 21 октября 1932 года приказом Наркомата снабжения СССР торговое обслуживание дипкорпуса перешло от рублевого Инснаба валютному Торгсину. Появились специальные элитные магазины Торгсина, обслуживавшие дипломатических работников. Так в Торгсине формировалась иерархия простых и элитных валютных магазинов (РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 26. Л. 165).

перечислять частные валютные переводы из-за границы на счет Торгсина. Наркомфин также смягчил свои требования по проверке у иностранцев документов о происхождении валюты.

Эти решения, однако, радикально не изменили суть валютных отношений в стране. Хотя в январе 1931 года контора Мосторга «Торгсин» стала именоваться Всесоюзным объединением при Наркомвнешторге СССР⁴⁴, это скорее отражало намерения, чем кардинальное изменение методов решения валютной проблемы. Пределы легальных валютных операций в стране и, следовательно, валютные пределы Торгсина до конца 1931 года оставались узкими. К тому же торговая сеть Торгсина охватывала лишь порты да несколько наиболее крупных городов. Наркомфин крохоборничал, тогда как Клондайк простирался рядом и наконец-то был открыт. С появлением официального разрешения принимать от советских людей золото в оплату за товары Торгсин превратился в один из основных валютных источников финансирования индустриализации в СССР – золотой ручеек стал полноводной рекой. Для этого руководству страны пришлось поступиться государственной валютной монополией. Несмотря на очевидную выгоду для государства, идея грандиозной кампании по выкачиванию «золотых сбережений» у населения родилась не в Политбюро. Она принадлежала директору одного из московских магазинов.

---

⁴⁴ Приказ № 2 Наркомвнешторга от 4 января 1931 года. ЛОГАВ. Ф. 1154. Оп. 1. Д. 5. Л. 2; Д. 7. Л. 7.

Глава 2

Золотая идея

Нэп – первое пришествие советского валютного рынка. Золотые россыпи под носом у правительства. «Добро пожаловать, Никанор Иванович! Сдавайте валюту». Золотой поворот в истории Торгсина – Браво, Ефрем Владимирович! «Время – вперед?»: Торгсин как рецидив капитализма. Главный спекулянт

Государственная монополия на золото была установлена уже в первые месяцы советской власти. Недра и их богатства были национализированы⁴⁵. Одновременно началась охота за ценностями граждан⁴⁶. Как не вспомнить легендарные фильмы советской поры о чекистах в поисках буржуйских тайников и кладов. Ценности, находившиеся на счетах и в сейфах банков, имениях, дворцах, музеях и тайниках, были национализированы. В период военного коммунизма в годы Гражданской войны запрещалось хранить, покупать, обменивать и продавать иностранную валюту и золото. Граждане обязаны были безвозмездно сдать ценности государству. Нарушившие запрет, если их поймали с поличным, могли поплатиться головой.

К началу нэпа, согласно действовавшему законодательству⁴⁷, конфискации подлежали, независимо от их количества в частном владении, платиновые, золотые и серебряные монеты, а также золото и платина в слитках и сыром виде. Кроме того, граждане обязаны были безвозмездно отдать государству личные и бытовые изделия из драгоценных металлов, если их количество превышало установленные правительством нормы: разрешалось иметь не более 18 золотников (порядка 77 г) золотых и платиновых изделий, не более 3 фунтов (около 1,2 кг) серебряных изделий, не более 3 каратов бриллиантов и других драгоценных камней и не более 5 золотников (около 21 г) жемчуга на одно лицо⁴⁸. Изъятию также подлежали любые денежные средства, видимо включая и иностранную валюту⁴⁹, если их количество превышало более чем в 20 раз минимальную зарплату в данной местности. «Излишние деньги», однако, государство не отбирало, а принудительно вносило на счета владельцев в государственных сберкассах. Первый год нэпа (1921) изменил положение лишь отчасти. Сдача ценностей государству оставалась обязательной, но теперь не безвозмездно, а за денежную компенсацию по цене рынка.

⁴⁵ Национализация недр, фактически провозглашенная с приходом к власти большевиков, была законодательно закреплена декретом о недрах от 30 апреля 1920 года. По этому декрету государству принадлежало монопольное право вести разработку полезных ископаемых, включая и золото. Постановлением Президиума ВСНХ 22 февраля 1918 года был создан Главный золотой комитет (Главзолото). Установлена государственная монополия на скупку золота и других ценных металлов 15 января 1918 года. Все старатели и золотопромышленные предприятия были обязаны сдавать государству добытое золото по фиксированной цене 32 руб. за золотник (4,26575 г) 96-й пробы. По декрету СНК от 23 июня 1921 года «О распределении добытого золота и платины» золото в сыром виде и слитках не могло быть предметом скупки, обработки, распределения или обмена организаций и частных лиц, а подлежало сдаче Наркомфину (Черносвитов Ю. Л., Затулкин Н. И. Золотопромышленное законодательство СССР, его особенности, история и ближайшие проблемы // Золотопромышленность СССР (1-ый Всесоюзный золотопромышленный съезд). М.; Л., 1927. С. 102–122).

⁴⁶ Постановление ВСНХ от 12 января 1918 года установило государственную монополию на торговлю благородными металлами. Действовал закон о спекуляции 1918 года, по которому под страхом лишения свободы как минимум на 10 лет и конфискации всего имущества запрещались продажа, покупка и даже хранение золота, как «сырого», так и в слитках и монетах. Постановление ВСНХ от 17 февраля 1918 года запрещало также торговлю золотыми изделиями из золота 56-й пробы и выше. Декрет «О реквизициях и конфискациях», который запрещал хранение всех видов золота (сырого, в слитках, монетах и изделиях), вышел 17 октября 1921 года (Там же. С. 102–122).

⁴⁷ Декрет СНК «О реквизициях и конфискациях» от 13 апреля 1920 года и постановление СНК «О порядке реквизиции и конфискации благородных металлов, денег и ценностей, медицинского и фармацевтического имущества, об осуществлении права реквизиции и конфискации Народным комиссариатом просвещения, таможенными учреждениями, Военным и Морским ведомствами» от 13 июля 1920 года (Декреты Советской власти. Т. 8. М., 1976. С. 41–48; Т. 9. М., 1978. С. 213–222).

⁴⁸ 1 золотник = 4,26575 г; 1 русский фунт = 0,40951241 кг.

⁴⁹ Согласно постановлению конфискации подлежали все деньги «независимо от их образцов».

Казалось, государство не откажется от жесткой политики насильственного изъятия валютных ценностей граждан, но уже следующий год принес перемены⁵⁰. Декрет СНК от 4 апреля 1922 года отменил обязательную сдачу государству золота в изделиях, слитках и монетах. Вслед за апрельским последовали новые законодательные акты⁵¹. В результате в стране сформировался легальный валютный рынок. Разрешалось свободное обращение золота в изделиях и слитках внутри страны⁵². Купля и продажа золотых царских монет и иностранной валюты также разрешались, но регламентировались более жестко, чем операции с золотыми изделиями и слитками. Монопольное право на их куплю и продажу осталось у Госбанка. Эта мера была призвана не допустить превращения царских золотых монет и иностранной валюты в законные деньги – альтернативу быстро обесценивавшимся совзнакам⁵³. В этом запрете заключается одно из основных отличий валютного рынка нэпа от операций Торгсина. Открыв Торгсин для советских граждан, правительство фактически разрешило использовать валютные ценности в качестве средства платежа внутри СССР.

Появившийся при нэпе легальный валютный рынок являлся частью денежной реформы червонца, проводившейся в борьбе с послевоенной разрухой и инфляцией для создания устойчивой денежной системы⁵⁴. Жизнь легального валютного рынка нэпа была короткой – уже к концу 1926 года он был вновь загнан в подполье, – но бурной. Отцом советского легального

⁵⁰ Новая экономическая политика хотя и сохранила государственный контроль за золотом, но ослабила валютную монополию. Первые признаки валютной либерализации видны в «Положении о золотой и платиновой промышленности», принятом 31 октября 1921 года. Оно допускало более широкое развитие частной инициативы в золотом промысле, оставляя, однако, неизбывным принцип государственной монополии на владение продукцией: под страхом судебной ответственности частный сбыт сырого золота, его обращение внутри страны и вывоз за границу были запрещены. Последующие декреты (особенно декреты СТО от 6 марта 1923 года и СНК от 23 сентября 1924 года, а также декрет ЦИК и СНК от 10 апреля 1925 года) легализовали хранение и обращение сырого золота. Обработанное золото, которое называлось благородным металлом, разрешалось к обращению только при наличии клейма. Декрет ЦИК и СНК от 17 июля 1925 года разрешил торговлю фондовыми и валютными ценностями. Более строгие правила действовали в пограничной полосе для предотвращения нелегального вывоза золота из страны. Постановление ЦИК и СНК от 6 июня 1924 года запрещало хранение и торговлю золотом и другими валютными ценностями в 50-верстной пограничной зоне (*Сапоговская Л. В.* Золото в политике России (1917–1921) // Вопросы истории. 2004. № 6. С. 13–47; *Голанд Ю.* Валютное регулирование в период НЭПа. М., 1998).

⁵¹ В числе наиболее важных были резолюция от 20 октября 1922 года об операциях с ценными бумагами, закон от 15 февраля 1923 года о валютных операциях и декрет от 19 апреля 1923 года об экспорте валюты и валютных переводах из-за границы. Более подробно об этом см.: *Голанд Ю.* Указ. соч.

⁵² Декрет также разрешил вывоз за границу золота в изделиях и слитках на сумму до 50 рублей.

⁵³ На практике этот запрет не соблюдался. Организации использовали иностранную валюту при расчетах друг с другом (*Голанд Ю.* Указ. соч. С. 92). Видимо, и люди в частных сделках не соблюдали этот запрет. Однако, по закону, в отличие от Торгсина, платежи в золоте и валюте внутри страны в период нэпа относились к запрещенным операциям.

⁵⁴ До революции червонцем («червонный» – красный или золотой) называлась золотая монета, равная 10 руб. В советское время червонец как денежная единица существовал с конца 1922-го до 1937 года и сыграл ключевую роль в денежной реформе, проведенной Наркомфином СССР в 1922–1924 годах. В момент введения червонцы частично обеспечивались драгоценными металлами и устойчивой иностранной валютой по курсу на золото, но главным образом легко реализуемыми товарами и ценными бумагами. Червонец, внедрение которого активно поддерживалось государством, стал вытеснять обесцененные совзнаки из обращения. В феврале 1924 года, когда устойчивость червонца не вызывала сомнений, правительство издало декреты о прекращении выпуска совзнаков (их хождение было прекращено к июню 1924 года), а также о введении в обращение государственных казначейских билетов, то есть новых советских денег. Десять новых рублей приравнивались к сильному устойчивому червонцу. Одновременно Наркомфин, который проводил денежную реформу, резко ограничил эмиссию денег и кредитование предприятий государственного сектора, а также принял меры по снижению цен на продукцию государственной промышленности. Эти жесткие меры стали испытанием для государственного сектора экономики и для населения. Но благодаря им Наркомфин добился бездефицитного госбюджета, привел в относительное соответствие объемы денежного обращения с товарным оборотом, добился выравнивания цен на промышленные и сельскохозяйственные товары и расширения на этой основе общего товарооборота. Достигнутое равновесие было, однако, хрупким. Уже с 1925 года начали нарастать негативные процессы, направляемые Госпланом. Наркомфин был обезглавлен и скомпрометирован арестами ведущих экономистов. Начался возврат к безудержному кредитованию и росту эмиссии денег, опережавшей рост товаров в обращении. Начало форсированной индустриализации далее подтолкнуло эмиссионный курс Госплана. Негативные тенденции в сочетании с чрезвычайными мерами во время кризиса хлебозаготовок привели в 1928 году к обвалу рубля. Хотя в качестве денежной единицы червонец просуществовал до 1937 года, регулирование, а затем планирование цен привели к крушению червонного обращения в ходе инфляции в конце 1920-х – первой половине 1930-х годов. Подробно об этом см.: *Русский рубль. Два века истории.* М., 1994; *Голанд Ю.* Указ. соч.

валютного рынка можно считать одного из авторов денежной реформы Л. Н. Юровского, заместителя, а затем начальника Валютного управления Наркомфина. В период реформы червонца специалисты Валютного управления считали бесполезным запрещать людям иметь золотые монеты, хотя попытки ввести такой запрет в период нэпа были⁵⁵. Не видели они смысла и в том, чтобы запрещать частные операции по купле и продаже золотого царского чекана и валюты. Все равно эту практику не остановишь, только загонишь в подполье; отток же чекана и валюты на черный рынок грозил ростом цен на них и на товары на вольном рынке. Лучше уж разрешить валютные сделки, чем потом биться с инфляцией.

В годы нэпа советские граждане могли свободно покупать и продавать валюту и золотые монеты на биржах⁵⁶, в отделениях Госбанка и в магазинах – там работала скупка Наркомфина, а присутствие дефицитных товаров стимулировало сдатчиков⁵⁷. В числе других валютных прав гражданам разрешалось по официальному обменному курсу переводить родственникам и друзьям за границу валюту в сумме до 100 рублей в месяц (на большие суммы требовалось разрешение), а в случае поездки за границу обменять на валюту до 200 рублей⁵⁸.

Государство активно вмешивалось в работу валютного рынка, используя в основном экономические методы его регулирования. Госбанк и Наркомфин проводили «валютные интервенции» для укрепления только что введенного в обращение червонца⁵⁹. В Наркомфине в августе 1923 года для этого специально создали Особую часть⁶⁰. Во главе ее стоял человек Юровского – Л. Л. Волин⁶¹. Цель валютных интервенций состояла в том, чтобы, удовлетворяя спрос людей и организаций на золотые монеты и валюту, поддерживать на вольном рынке обменный курс червонца по отношению к доллару на уровне официального обменного курса.

⁵⁵ В конце 1922 года нарком финансов Г. Сокольников, видя в царской золотой монете конкурента червонцу, предложил снова, как в период «военного коммунизма», запретить хранение золотых монет (*Голанд Ю.* Указ. соч. С. 91).

⁵⁶ В стране работали официальные государственные валютные биржи, а также «черная биржа» – стойки и палатки на рынках, где маклеры покупали и продавали золотые монеты и валюту. Кроме того, при товарных биржах в Москве, Ленинграде и Харькове работали вечерние фондовые биржи, в быту их называли «американками». На них не распространялись ограничения, действовавшие на официальных биржах, в результате люди могли обменять здесь более крупные суммы в золоте и валюте. Хотя «американки» работали легально, в периоды репрессий против биржевиков власти включали их в «черную биржу» (*Голанд Ю.* Указ. соч. С. 99).

⁵⁷ Скупкой золота и драгоценных камней по поручению Наркомфина занимались Московский, Харьковский, Грузинский и Туркменский торги (РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 3. Л. 26).

⁵⁸ В отличие от частных лиц, регулирование валютных операций организаций, учреждений и предприятий в период нэпа было более жестким, хотя в первой половине 1920-х годов они и имели гораздо больше валютной свободы, чем в 1930-е. Под контролем торгпредств – монополия внешней торговли сохранялась – они сами вели свои экспортные и импортные операции, причем немалая часть разрешений на внешнеторговые операции (почти четверть в 1925 году) выдавалась не централизованно, а на местах. Для внешнеторговых операций организации и предприятия имели собственные валютные средства. Валюта поступала от их экспорта. Ее можно было также купить на валютных биржах и «американках». Хотя здесь действовало ограничение: только кредитные учреждения, союзы кооперативов и органы Наркомфина и Наркомата внешней торговли могли покупать и продавать валюту на внутреннем рынке без специального разрешения. Государственные и кооперативные организации на каждую покупку валюты внутри страны должны были иметь лицензию Особого валютного совещания Наркомфина. Выдача лицензий была одной из мер регулирования валютных аппетитов юридических лиц. На практике предприятия находили способы обойти это ограничение. Не имея лицензий на покупку валюты, они добывали ее через валютных маклеров. Предприятия должны были держать валюту внутри страны на счетах Госбанка или других банков, у которых было разрешение на валютные операции, а с 1923 года им разрешалось иметь валюту и за границей на счетах торгпредств или зарубежных корреспондентов Госбанка. По своему желанию предприятия могли свободно продать на внутреннем рынке имевшуюся у них валюту, хотя сначала обязаны были предложить ее для покупки Госбанку. Платить в иностранной валюте разрешалось только при расчетах с организациями, находившимися за границей. На практике, однако, это требование нарушалось: при внутренних взаимных расчетах предприятия и организации расплачивались и иностранной валютой.

⁵⁹ Главное отличие методов валютной интервенции Госбанка от методов Наркомфина заключалось в том, что он продавал золотые монеты по твердой цене в соответствии с номиналом, а иностранную валюту по официальному обменному курсу, в то время как агенты Наркомфина покупали и продавали их по рыночной цене (*Голанд Ю.* Указ. соч. С. 133).

⁶⁰ В Госбанке интервенции проводил валютно-фондовый отдел. За них отвечал Г. Аркус.

⁶¹ Лев Волин родился в 1887 году. Закончил юридический факультет Петроградского университета. До революции работал в золотодобывающей промышленности. После революции был сотрудником ВСНХ и Госплана. Весной 1921 года он послал свои предложения об оздоровлении денежной системы в Совнарком Ленину, откуда они попали в Наркомфин. В 1922 году Волин перешел работать в Валютное управление Наркомфина (*Голанд Ю.* Указ. соч. С. 132).

Для этого агенты Особой части, среди которых были и профессиональные «валютные спекулянты», продавали и покупали на официальных и черных биржах и на «американках» золотые монеты и иностранную валюту по рыночной цене. Золотые монеты и валюта, которые Госбанк и Наркомфин выбрасывали через своих агентов на внутренний валютный рынок во время интервенций, понижали их рыночную стоимость по отношению к червонцу. Валютные интервенции проводились организованно и осознанно, но государство действовало по законам рынка. Политбюро санкционировало валютные интервенции, а Экономическое управление ОГПУ, чьи секретные агенты следили за работой бирж, контролировало их. Агенты Особой части Наркомфина, проводившие валютные интервенции, были зарегистрированы в ОГПУ, что впоследствии, после изменения валютной политики, стоило многим из них свободы, а некоторым и жизни⁶².

Валютные интервенции были секретными государственными операциями. Внешне агенты Особой части не отличались от других валютных маклеров. Они получали 0,5–1 % от суммы купленной и проданной валюты, зарабатывая в месяц в среднем около 1000 рублей, а в отдельных случаях и тысячи рублей за несколько часов. Для сравнения: партийный максимум зарплаты, которую могли получать в то время коммунисты, составлял 225 рублей в месяц. Государство использовало валютную спекуляцию в интересах укрепления денежной системы, при этом разрешая маклерам наживаться. С началом репрессий против валютного рынка нэпа это будет поставлено в вину сначала Волину, а потом и Юровскому.

Валютные интервенции важны для истории Торгсина тем, что благодаря им советские граждане существенно пополнили свои золотые и инвалютные сбережения, которые позже снесли в Торгсин. В архивах сохранились данные о золотых операциях Госбанка за период нэпа (*табл. 1*). Хотя они представляют только часть валютных сделок 1920-х годов, данные Госбанка позволяют увидеть порядок цифр для оценки продаж золота населению незадолго до открытия Торгсина. Кроме того, они важны для сравнения размеров золотоскупочных операций периода нэпа с будущими золотыми оборотами Торгсина. И наконец, эти данные показывают динамику валютных страстей и роль различных видов золота в жизни людей.

Статистика золотоскупки Госбанка (*табл. 1*) свидетельствует, что операции с бытовым золотом и операции с монетами представляют две разные модели социально-экономического поведения. Продажа населением бытового золота государству – признак отчаяния, показатель кризиса, ведь, как правило, люди продают личные ценные вещи тогда, когда других средств нет. В тяжелые послевоенные годы разрухи и инфляции (1921–1923) население продало государству почти 6 тонн бытового золота (*табл. 1*). Успехи нэпа и нормализация жизни привели к резкому снижению продажи личных золотых вещей. К 1926 году она упала настолько сильно, что руководство Госбанка начало говорить о «почти полном истощении накоплений у населения». История Торгсина показала ошибочность этого заключения. Просто надобность в продаже личных золотых вещей отпала: середина 1920-х годов была одним из наиболее благополучных периодов в жизни Советской России.

По мере падения поступлений бытового золота от населения Госбанк ориентировался на скупку золота в районах приисков (*табл. 1*). Вначале он выдавал авансы под продукцию, а с 1925/26 года⁶³ перешел к кредитованию государственных золотодобывающих предприятий и частных. Эта деятельность, однако, продолжалась недолго. В 1926/27 году скупка золота

⁶² Несмотря на осведомленность о действиях Особой части Наркомфина, ОГПУ периодически проводило огульные аресты валютных спекулянтов, разрушая положительные тенденции, созданные в результате валютных интервенций, и сея панику на вольном рынке. Среди арестованных оказывались и агенты Особой части Наркомфина.

⁶³ До 1931 года учет статистики народного хозяйства в СССР велся по хозяйственным годам, которые начинались 1 октября. По истечении 1929/30 хозяйственного года был добавлен особый квартал (октябрь – декабрь 1930), а с 1931 года учет стали вести по календарным годам, которые начинались 1 января. Здесь и далее обозначение типа 1925/26 означает хозяйственный год, тогда как 1925–1926 – календарные годы.

крупных предприятий (Енисейзолото, Лензолото, Алданзолото и др.) перешла в ведение Наркомфина, что объясняет снижение данных в таблице за этот год.

Операции с золотыми монетами в основном представляют предпринимательскую модель поведения населения. Во время кризисов люди могли продавать государству царский чекан из нужды, но покупка монет являлась средством вложения капитала. Разница между суммой монет, проданных населением государству и купленных у него в периоды валютных интервенций, зависела от степени доверия червонцу. В начальный период денежной реформы, 1922–1923 годы, люди активно скупали золотые монеты, не доверяя обесценивавшимся совзнакам и новорожденному червонцу (*табл. 1*). Затем, благодаря значительным валютным интервенциям, червонец укрепился и его обменный курс по отношению к золоту и валюте на вольном рынке стабилизировался. Рост доверия к червонцу привел к сбросу монет населением. В 1924 году Госбанк купил у населения золотых монет больше того, что продал (*табл. 1*). Ослаб валютный ажиотаж, установилась атмосфера относительного валютного спокойствия. Люди стали охотнее принимать червонцы по валютным переводам из-за границы, не требуя с пеней у рта выдать им валюту. Снижение валютных appetитов населения позволило государству ослабить и валютные ограничения. В сентябре 1924 года норма перевода валюты за границу была повышена со 100 до 200 рублей, а норма обмена валюты на поездку за границу – с 200 до 300 рублей. Июньским декретом 1925 года валютный обмен был разрешен вне бирж и кредитных учреждений.

Положение стало меняться в 1925 году. Усилилась борьба двух тенденций. С одной стороны, благодаря валютным интервенциям прошлых лет и стабильности червонца население продолжало активно продавать государству золотой царский чекан (*табл. 1*). С другой стороны, отреагировав на начавшиеся в 1925 году инфляционные процессы, связанные с попыткой форсирования промышленного развития, люди начали запасать золотые монеты. В ответ государство ввело валютные ограничения⁶⁴. Но все-таки в тот год резкого дисбаланса между покупкой и продажей монет населению пока еще не было.

Крах валютных интервенций и вместе с ними легального валютного рынка нэпа произошел в 1926 году. Почему и как это случилось? Судьба валютного рынка зависела от выбора путей экономического развития и результатов политической борьбы за власть, которая разворачивалась в руководстве страны. Две концепции проведения индустриализации соперничали друг с другом. Одна из них, которую можно назвать «жизнь по средствам», выступала за умеренные планы промышленного развития, жесткую кредитно-денежную политику, использование экономических методов для поддержания стабильного курса червонца по отношению к золоту и иностранной валюте и для привлечения валютных сбережений населения. Выразителем этой политики выступали Госбанк и сотрудники Наркомфина, прежде всего Г. Я. Сокольников и Л. Н. Юровский. Другая концепция, которую можно назвать «жизнь в кредит», призвала форсировать темпы индустриализации, что неминуемо вело к несдержанной кредитной политике и денежной эмиссии, а в результате – к инфляции и обострению товарного дефицита. Воинствующими сторонниками этого пути развития были ВСНХ и Госплан в лице С. Г. Струмилина, В. Г. Громана и др.

При выборе сценария «жизнь в кредит» валютные интервенции теряли смысл: попытки поддержать стабильный курс червонца по отношению к доллару и золоту в условиях быстро нараставшей инфляции путем выброса на вольный рынок золотых монет и валюты из хранилищ Госбанка и Наркомфина быстро исчерпали бы скудные золотовалютные ресурсы страны. Без помощи же валютных интервенций червонец быстро обесценился бы. Как результат, люди перестали бы продавать золото и валюту государству, ценности начали бы уходить на черный

⁶⁴ С июля 1925 года в разрешенную к вывозу за границу сумму в 300 рублей стали включать не только валюту, но и червонцы. Были ограничены валютные траты организаций (*Голанд Ю. Указ. соч. С. 104*).

рынок, где их обменный курс все больше бы отрывался от низкого официального. Не имея возможности получить валютные накопления населения экономическими методами, государство усилило бы репрессии.

Развитие страны пошло по сценарию «жизнь в кредит». В 1925/26 году руководство страны в 2,5 раза увеличило капитальные вложения в промышленность. Усиленно заработал печатный станок, выбрасывая в обращение все больше бумажных денег. Хлебный экспорт, за счет которого планировали пополнить валютные ресурсы, оплатить импорт и поддержать денежную систему страны, давал сбои: государственные скупочные цены не устраивали крестьян, а промышленных товаров для стимулирования заготовок сельскохозяйственной продукции у государства не хватало. Рост массы бумажных денег в обращении при дефиците товаров привел к тому, что начали быстро расти цены: в тот период государство могло контролировать только отпускные цены госпредприятий и цены кооперации, а розничная торговля находилась в руках частного. Покупательная способность червонца падала, а его обменный курс на вольном рынке по отношению к доллару рос, все больше отрываясь от фиксированного официального.

Для того чтобы поддержать червонец в условиях нараставшей инфляции, государство вначале усилило валютные интервенции. В октябре 1925 года Госбанк и Наркомфин продали населению золотых монет на сумму 2,1 млн рублей, в ноябре – 4,2 млн рублей, в декабре – 7,2 млн рублей, в январе 1926 года – более 7,6 млн рублей. Таким образом, только за четыре месяца валютной интервенции государство выбросило на вольный рынок золотого чекана на более чем 21 млн рублей. Купили же мало: в октябре на 283 тыс. рублей, а к декабрю сумма скупки снизилась до 190 тыс. рублей⁶⁵. Для поддержания валютных интервенций в 1925/26 году Госбанк из своих золотых запасов даже начеканил *для продажи населению* золотых *царских* монет на сумму 25,1 млн рублей!⁶⁶ Кроме царского чекана, за тот же период с октября 1925 года до февраля 1926-го в рамках валютной интервенции Госбанк и Наркомфин продали населению 4,1 млн долларов и почти 500 тыс. фунтов стерлингов. В феврале 1926 года руководство страны пыталось снизить расходы на интервенцию, проведя репрессии против незаконных покупок валюты, но, несмотря на это, вынуждено было выбросить на вольный рынок значительную сумму: золотых монет на 6,3 млн рублей, а также 812 тыс. долларов и 98 тыс. фунтов стерлингов⁶⁷. Политика укрепления червонца также требовала немалых валютных средств на поддержание его позиций за границей. Только в июле 1925 года государство потратило 1,7 млн рублей валютой, чтобы скупить червонцы за рубежом⁶⁸.

Тощий государственный золотовалютный запас⁶⁹ не мог выдержать таких трат. В декабре 1925 года руководство Госбанка сообщало в Политбюро о том, что не имело достаточных

⁶⁵ Голанд Ю. Указ. соч. С. 107, 125, 130.

⁶⁶ РГАЭ. Ф. 2324. Д. 788. Л. 115. Решение о выпуске советских червонцев в виде золотых монет, аналогичных царской золотой 10-рублевой монете, было принято осенью 1922 года, но оно носило символический характер, как подтверждение идеи возврата к золотому стандарту и возможности в будущем обменять бумажные червонцы на золотые. Для продажи населению Госбанк и Наркомфин чеканили в основном царские монеты. Летом 1923 года Сокольников предлагал чеканить золотые советские червонцы для валютных интервенций на рынке, и это предложение было принято Политбюро. Но вскоре он передумал, решив, что население будет больше доверять царским червонцам, а также из опасения, что масштабный выпуск советских золотых червонцев негативно скажется на доверии к бумажным червонцам (Голанд Ю. Указ. соч.; *Он же*. Дискуссии об экономической политике в годы денежной реформы 1921–1924. М., 2006).

⁶⁷ Голанд Ю. Указ. соч. С. 107, 125, 130.

⁶⁸ Творцы денежной реформы пытались сделать червонец сильным не только внутри страны, но и на мировом рынке, превратить его в конвертируемую валюту. Весной 1924 года котировки червонца появились на биржах за рубежом. С 1925 года СССР расплачивался червонцами за торговые операции с восточными соседями. Червонцы попадали за границу также контрабандным путем или легально с советскими гражданами, которые до июля 1925 года могли вывезти неограниченное количество червонцев. Чтобы поддержать престиж своей валюты, Госбанк скупал за рубежом значительные суммы предложенных к продаже червонцев. «Выкуп» червонцев, к которым за границей особого интереса не было, работал на улучшение финансового образа СССР, но требовал траты значительных валютных средств государства (Голанд Ю. Указ. соч. С. 99–100).

⁶⁹ Подробно об этом см. главу «Зачем Сталину был нужен Торгсин».

средств для оплаты импорта⁷⁰. Политбюро вынуждено было разрешить вывезти за границу золото: в декабре 1925 года на 15 млн рублей, а в январе 1926 года еще на 30 млн рублей. Часть этого золота была депонирована в банках за границей как гарантия оплаты импорта, часть была продана. К апрелю 1926 года по сравнению с 1 октября 1925 года свободные валютнометаллические резервы Госбанка снизились почти на треть, а общие валютные ресурсы страны сократились на 82,5 млн рублей, составив всего лишь 221,4 млн рублей⁷¹.

В период обострения валютного кризиса в конце 1925 – начале 1926 года руководство страны стало сворачивать легальные валютные операции. Сумму валюты, которую граждане могли перевести за границу, уменьшили вдвое, с 200 до 100 рублей в месяц, причем многие отделения Госбанка перестали вообще принимать такие переводы. Продажа инвалюты через банки была остановлена, за исключением тех случаев, когда люди меняли деньги для поездки за границу. Правительство резко повысило таможенные пошлины на импортируемые товары. В результате многие поступившие в то время из-за границы посылки поехали назад, люди отказались от них. Выросла стоимость заграничных паспортов, что сделало невыгодными распространяемые ранее поездки за границу для закупок повседневных товаров. Государство ограничило выезд на лечение и отдых за границей⁷².

Пытаясь сократить расходы на валютную интервенцию, Политбюро потребовало принять меры против валютной контрабанды и незаконных безлицензионных покупок валюты и золота учреждениями, предприятиями и организациями. Сталин был сторонником свертывания валютного рынка. Восемнадцатого января 1926 года на заседании комиссии Политбюро он высказался за лишение спекулянтов возможности использовать валютную интервенцию в ущерб государству, что означало санкцию на проведение репрессий на валютном рынке⁷³. В феврале – апреле 1926 года с одобрения Политбюро ОГПУ провело в крупных городах массовые аресты валютных маклеров⁷⁴. Операции против валютных спекулянтов проводились и раньше, в конце 1923 – начале 1924 года, но тогда, в разгар реформы червонца, Политбюро прислушивалось к мнению Наркомфина, одергивая ОГПУ⁷⁵.

Репрессии начала 1926 года представляли радикальный поворот в валютной политике. Начавшись, они уже не прекращались, став на годы вперед основным способом выколачивания валютных ценностей населения. ОГПУ получило больше свободы действий. В марте 1926 года Совет труда и обороны (СТО) разрешил ОГПУ проводить в пограничных районах обыски, конфискацию валюты и золота, а также аресты лиц, *подозреваемых* в контрабанде. Решать, как далеко простирались пределы пограничного района, должно было само ОГПУ⁷⁶. Меры вводились как временные, но оказались долгосрочными. В результате экономических мер и репрес-

⁷⁰ Из-за плохого урожая 1924 года к весне на внутреннем рынке повысились цены на зерно и сельскохозяйственную продукцию. Для того чтобы погасить инфляцию, был значительно увеличен импорт муки, сахара, товаров потребления и сырья для их изготовления. Покупая за границей, государство пыталось насытить избыточный спрос внутри страны и привести цены в равновесие. Однако резкое увеличение импорта привело к ощутимому снижению валютных резервов страны. Для покрытия дефицита внешней торговли Госбанк только за май – июнь 1925 года продал в Лондоне золота на 20 млн рублей (Голанд Ю. Указ. соч. С. 103).

⁷¹ Там же. С. 107, 131.

⁷² Кроме того, местные власти были лишены права выдавать лицензии на ведение импортных операций юридическим лицам. Организации теперь были обязаны сдавать все валютные поступления в Госбанк, их право распоряжаться валютой со своих счетов было ограничено (Там же. С. 127–128).

⁷³ Голанд Ю. Указ. соч. С. 120, 125–127; Мозохин О. ВЧК – ОГПУ. На защите экономической безопасности государства и в борьбе с терроризмом. М., 2004. С. 206.

⁷⁴ По состоянию на 10 апреля 1926 года, по данным ЭКУ ОГПУ, по всей стране было арестовано 1824 человека, изъято ценностей на 544 тыс. рублей (Мозохин О. Указ. соч. С. 208).

⁷⁵ Осенью 1923 – зимой 1924 года с санкции Политбюро ОГПУ провело репрессии против «валютных спекулянтов» и «черной» биржи. Однако в марте 1924 года по настоянию Наркомфина Политбюро потребовало от ОГПУ прекратить репрессии, так как они подрывали устойчивость червонца (Там же. С. 204–205).

⁷⁶ Голанд Ю. Указ. соч. С. 128.

сий в начале 1926 года легальный валютный рынок сузился, валютные операции были загнаны в подполье.

Сторонники форсированной индустриализации усилили атаки на политику валютных интервенций и тех людей, которые ее проводили, требуя, чтобы валютные средства, вместо поддержания стабильности денежной системы, шли на промышленное развитие. Да и сами сторонники валютных интервенций понимали, что условия, обеспечивавшие их эффективность, – жесткая кредитная и сдержанная эмиссионная политика, реалистичность планов, – были подорваны, а без них валютные интервенции теряли смысл. В марте 1926 года валютные интервенции резко сократились, а в апреле практически прекратились⁷⁷. Тогда же в апреле Политбюро приняло решение о прекращении котировок червонца за границей, что означало и запрет на вывоз червонцев за рубеж⁷⁸. Так похоронили идею конвертируемого золотого червонца.

Экономическое решение остановить валютные интервенции, которое при другом стечении обстоятельств могло бы оказаться лишь временной мерой, было обильно сдобрено политическим соусом и проводилось полицейскими методами. В феврале – марте 1926 года вместе с репрессиями против валютных маклеров в крупных городах ОГПУ арестовало руководителя Особой части Наркомфина Волина, его сотрудников и родственников. Был арестован и начальник Московского отделения Особой части А. Чепелевский. Их обвинили в «смычке с валютными спекулянтами», пособничестве к обогащению и подрыве государственных валютных запасов. Обвинители сделали вид, что не знали, что валютные интервенции были не личным делом Волина, а государственной политикой, проводившейся с одобрения Политбюро и в контакте с ЭКУ ОГПУ. С санкции Политбюро без суда решением коллегии ОГПУ Волин и Чепелевский были осуждены и расстреляны⁷⁹. Особую часть Наркомфина ликвидировали. Вместо нее создали государственную фондовую контору, которая должна была регулировать валютные операции через кредитные учреждения, не прибегая к помощи «валютных спекулянтов».

Кризис 1925/26 года был преодолен возвращением к «жизни по средствам». Идею форсированной индустриализации на время отложили. Видимо, ее сторонники, и прежде всего Сталин, в тот момент не чувствовали себя политически достаточно сильными. План развития на 1926/27 год был пересмотрен. Руководство страны стало проводить сдержанную кредитную политику. Но к валютным интервенциям государство не вернулось и легальный валютный рынок, существовавший в период реформы червонца, восстановлен не был, несмотря на то что экономическая ситуация в стране стабилизировалась и валютные резервы с весны 1926 года до лета 1927-го росли.

Развал легального валютного рынка – одного из центральных элементов денежной системы 1920-х годов – был серьезным ударом по принципам новой экономической политики и ее крупной потерей. Политическое укрепление Сталина и его сторонников привело к новому приступу форсирования индустриализации в 1927 году и отказу от нэпа. Поворот от политики поддержания устойчивой денежной системы к политике кредитной инфляции завершился. С прекращением валютных интервенций и ростом инфляции обменный курс червонца по отношению к иностранным валютам и золоту на вольном рынке все более отрывался от официального. С началом форсированной индустриализации в 1927 году в некоторых регионах цена

⁷⁷ Четвертого февраля 1926 года Политбюро обязало СТО всемерно сократить расходы на валютную интервенцию (*Мозохин О.* Указ. соч. С. 207).

⁷⁸ Решение Политбюро было формально оформлено постановлением ЦИК и Совнаркома 9 июля 1926 года (*Голанд Ю.* Указ. соч. С. 146–148).

⁷⁹ Расправа с Волиным в довольно спокойном 1926 году имела политические корни. Через него подбирались к Сокольникову, который в декабре 1925 года на XIV съезде партии выступил против Сталина. Цепочка обвинений от Волина должна была привести к уничтожению Сокольникова, недаром в официальных выступлениях черную биржу поминали как «дитя Сокольникова». Но, как считает Юрий Голанд, нужного компромата тогда получить не удалось. В начале 1926 года Сокольникова сняли с поста наркома финансов СССР, но на этом пока дело и кончилось.

золотой царской десятки в два раза превышала номинал, а обменный курс доллара был на 30–40 % выше официального⁸⁰. Дефицит и инфляция быстро росли в начале 1930-х годов, что привело к крушению червонного обращения.

В период стабилизации денежной системы и доверия к червонцу в середине 1920-х годов многие люди покупали государственные ценные бумаги на биржах, предпочитая получать процентный доход, вместо того чтобы скупать валюту и золото. В условиях инфляции и обострения дефицита уже мало кто хотел держать сбережения в Госбанке или покупать государственные займы. Теперь стало выгоднее скупать золото и валюту. Получавшие переводы из-за границы стали все более настойчиво требовать выплаты денег не в червонцах, а в «эффективной валюте». Набиравшая ход индустриализация остро нуждалась в валюте, но привлечь частные сбережения на службу государства экономическими методами сделалось практически невозможно. Валютные ценности уходили из-под носа государства на черный рынок. В результате государство увеличило силовую валютную интервенцию: обыски, конфискации ценностей и аресты их владельцев.

Репрессии против «держателей валюты» сконцентрировались в ЭКУ ОГПУ. Уголовный розыск и милиция должны были передать ему все дела «валютчиков»⁸¹. В конце 1920-х – начале 1930-х годов под лозунгом борьбы с валютной спекуляцией прошли массовые принудительные изъятия ценностей у населения. В их числе – кампания 1930 года по конфискации серебряной монеты, в ходе которой ОГПУ арестовывало и владельцев золота. Циркуляр № 404 ЭКУ ОГПУ от 20 сентября 1931 года разрешил изъятие золотых и серебряных предметов домашнего обихода. Сотрудники ОГПУ так усердствовали, что Экономическое управление вынуждено было одергивать их: в сентябре 1932 года специальный циркуляр ЭКУ ОГПУ разъяснял, что отбирать бытовые ценности можно только в случае, если их количество «имело товарный спекулятивный характер», а также в случаях их «особой валютной важности». Однако злоупотребления не прекратились⁸². В 1930–1932 годах в рамках борьбы с контрабандой в стране прошли массовые операции по изъятию валюты. В особых папках Политбюро распоряжения типа «Обязать ОГПУ в семидневный срок достать 2 млн рублей валюты» или «Предложить (другой вариант: „категорически предложить“. – Е. О.) ОГПУ до 25 февраля (срок 1 месяц) с. г. сдать Госбанку валюты минимум на один миллион рублей» встречаются регулярно⁸³. Методы использовались самые разные – уговоры, обман, террор. Сон Никанора Ивановича о театрализованно-принудительной сдаче валюты из «Мастера и Маргариты» Михаила Булгакова – один из отголосков «золотухи» тех лет⁸⁴. Концерт-истязание для валютчиков, оказывается, вовсе не был досужей фантазией Булгакова! В 1920-е годы евреев-нэпманов ОГПУ убеждало сдать ценности с помощью родных им еврейских мелодий, которые исполнял специально приглашенный музыкант⁸⁵. Были у ОГПУ и откровенно кровавые методы. Например, «долларовая парилка» – жертву держали в тюрьме и пытали до тех пор, пока родственники и друзья за границей не присылали валютный выкуп⁸⁶. Показательные расстрелы

⁸⁰ Голанд Ю. Указ. соч. С. 148.

⁸¹ ЭКУ ОГПУ боролось против несанкционированных действий УГРО и милиции, которые без согласования с ОГПУ проводили аресты валютчиков, срывая агентурные разработки (Мозохин О. Указ. соч. С. 213).

⁸² Там же. С. 222–223.

⁸³ См., например, решения Политбюро от 25 января 1931 и 19 декабря 1932 года (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 9. Л. 105, 134).

⁸⁴ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Глава 15. Сон Никанора Ивановича. Булгаков начал писать свой роман в 1928-м и работал над ним до 1940 года.

⁸⁵ Г. В. Костырченко пишет об этом в книге «Тайная политика Сталина: Власть и антисемитизм» (М., 2003). Он ссылается на свидетельство бывшего сотрудника Экономического отдела московского представительства ОГПУ М. П. Шрейдера, который лично принимал участие в подобных мероприятиях (С. 109).

⁸⁶ О «долларовой парилке» пишет Вальтер Кривицкий, сам сотрудник ОГПУ в 1930-е годы (Кривицкий В. Я был агентом Сталина. М., 1998. С. 85).

«укрывателей валюты и золота», санкционированные Политбюро, также были в арсенале методов ОГПУ⁸⁷. Фактически страна вернулась к жесткой валютной политике периода Гражданской войны.

Массовые репрессии против владельцев ценностей, которые проходили в конце 1920-х – начале 1930-х годов, не были подкреплены изменением валютного законодательства. Декреты и постановления правительства первой половины 1920-х годов, разрешившие владение и свободное обращение валютных ценностей частных лиц, формально сохраняли силу. Прикрываясь «борьбой против валютной спекуляции», ОГПУ, таким образом, нарушало действовавшие в стране нормы права. Спорадические атаки на валютчиков рубежа 1920–1930-х годов сменились планомерной «текущей работой по выкачке валюты» у населения, которая стала одной из основных задач Экономического управления. Началась агентурная разработка «социально подозрительных» – «бывших» и нэпманов, розыск тех, кто был в бегах, сбор информации по вкладам в иностранных банках и получению наследства. В повторную «разработку» пошли даже те, кто уже был выслан в лагеря и ссылку⁸⁸.

Методы ОГПУ худо-бедно работали для извлечения крупных сбережений, но в стране были ценности и другого свойства. Их не прятали в тайниках под полом, вентиляционных трубах или матрасах. На виду у всех они блестели обручальным кольцом на пальце, простенькой сережкой в ухе, цепочкой на шее. Трудно представить человека, у которого не было хотя бы одной золотой безделицы. Помноженные же на миллионы населения Страны Советов, эти валютные россыпи составляли огромное богатство. По мере истощения государственных золотовалютных резервов и роста потребностей индустриализации у руководства страны крепло желание собрать эти нехитрые ценности, разбросанные по всей стране по шкатулочкам, сервантам и комодам⁸⁹. Проблема состояла в том, как это сделать. Силой вряд ли получится – агентов не хватит за каждым колечком гоняться.

В момент рождения Торгсина в 1930 году страна уже жила на полуголодном пайке, уверенно двигаясь к катастрофе – массовому голоду. Казалось бы, ответ на вопрос, что предложить людям в обмен на ценности, был очевиден. Но бюрократическая машина поворачивалась медленно. В мае 1931 года Одесская контора Торгсина сообщала в Москву: «У нас было несколько случаев обращения об отпуске продуктов с оплатой наличным золотом (10-ки, 5-ки) старой русской чеканки». Одесский Торгсин запросил местное ГПУ и фининспекцию горсовета, те не возражали. Оставалось получить санкцию руководства страны на продажу товаров в обмен на золото⁹⁰. Торгсин в Одессе был не единственным, куда люди приносили золото⁹¹. Действия тех, кто первым, до официального к тому разрешения, принес свои ценности в Торгсин и предложил их в уплату за товары, были сопряжены с риском, ведь в стране уже шли валютные репрессии. Советская повседневность была отмечена бытовым героизмом граждан. Четырнадцатого июня 1931 года Наркомфин СССР наконец разрешил Торгсину принимать монеты царской чеканки в уплату за товары. Монеты без дефектов шли по номинальной стоимости, дефектные – по весу из расчета 1 руб. 29 коп. за грамм чистого золота⁹². Случай с золотыми монетами показывает механизм развития Торгсина. Валюта нужна была государству,

⁸⁷ Постановления о расстреле «валютчиков» см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 9. Л. 39–40; *Мозохин О.* Указ. соч. С. 215–216 со ссылкой на ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 633. Л. 1–10.

⁸⁸ Особое внимание привлекали дачи – традиционные места тайников. Об истории государственного кладоискательства см.: *Мозохин О.* Указ. соч. С. 217–219, 221.

⁸⁹ Вопрос о золоте в начале 1930-х годов постоянно был в повестке заседаний Политбюро. Работали комиссии Политбюро по золоту. Первого ноября 1931 года на заседании Политбюро доклад «О золоте» делал сам Сталин. По этому докладу Политбюро уполномочило комиссию по увеличению золотых ресурсов страны принять все необходимые меры для быстрого увеличения золотых ресурсов СССР (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 33).

⁹⁰ РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 5. Л. 101.

⁹¹ Аналогичные сообщения поступили, например, из Киева, Ленинграда, Тифлиса и Крыма (Там же. Д. 8. Л. 89).

⁹² Там же. Д. 8. Л. 48; Д. 4. Л. 110.

но в условиях голода люди брали инициативу на себя. В этом смысле Торгсин, грандиозное предприятие по выкачиванию валютных средств у населения на нужды индустриализации, был не только результатом решений правительства, но в значительной степени и детищем народа, стремившегося выжить.

Золотые царские монеты – лиха беда начало! Подлинная революция на «валютном торговом фронте» началась тогда, когда руководство страны разрешило советским людям сдавать в Торгсин бытовое золото – украшения, награды, нательные кресты, часы, табакерки, посуду и всякий золотой лом – в обмен не на рубли, как в скупке Наркомфина или Госбанка, а на дефицитные товары и продукты⁹³.

И чего только не найдешь в архивах! У идеи обмена товаров на бытовое золото, оказалось, есть автор – Ефрем Владимирович Курлянд, проживавший в начале 1930-х годов на Малой Дмитровке. На работу в Торгсин он пришел в сентябре 1930 года. Свое «рационализаторское» предложение Курлянд сделал, будучи директором столичного универмага № 1. В фонде Торгсина сохранилось его письмо в Наркомвнешторг, написанное в октябре 1932 года⁹⁴ – время бурного развития Торгсина и подходящий момент, чтобы заявить свои авторские права. Ко времени написания письма Курлянд вырос до коммерческого директора Московской областной торгсиновской конторы.

По словам Курлянда, он сделал свое «кардинальное предложение» еще в марте 1931 года и, испытывая «бесконечные мытарства», многие месяцы добивался его осуществления. Наконец в декабре, с устного разрешения председателя Правления Торгсина М. И. Шкляра, Курлянд первым в стране открыл в универмаге Торгсина № 1 продажу за бытовое золото. Через несколько недель после фактического начала операций в московском универмаге Наркомвнешторг узаконил их своим постановлением.

Архивные материалы позволяют точно определить дату официального разрешения продавать товары в Торгсине в обмен на бытовое золото. Шкляр, давая в декабре 1931 года устное разрешение Курлянду начать торговлю в универмаге № 1, не слишком рисковал, так как этот вопрос уже в принципе был решен «в верхах». Третьего ноября 1931 года Политбюро поручило Наркомвнешторгу СССР организовать в магазинах Торгсина скупку золотых вещей в обмен на товары. Специальная комиссия, куда вошли руководители «валютных» ведомств – А. П. Розенгольц (Наркомвнешторг), Г. Ф. Гринько (Наркомфин), А. П. Серебровский (Союззолото), М. И. Калманович (Госбанк), Т. Д. Дерибас (ОГПУ), должна была определить районы деятельности Торгсина по скупке бытового золота и методы расчета⁹⁵. Десятого декабря 1931 года решение Политбюро было оформлено постановлением Совнаркома⁹⁶. Текст постановления не подлежал опубликованию, так как по сути являлся официальным признанием плачевного состояния золотовалютных резервов СССР. Руководство страны, видимо, рассчитывало,

⁹³ До появления Торгсина в СССР была организация, которая, наряду со старательским золотом, скупала бытовое золото у населения в обмен на товары. По постановлениям СТО от 11 января и 21 июня 1929 года в районах приисков работали скупочные пункты и «золотые магазины» акционерного общества «Союззолото». Осенью 1929 года золотоскупка Союззолота работала в девяти городах Сибири и Дальнего Востока. Почему Политбюро вместо развития операций Союззолота решило отдать Торгсину монопольное право на скупку бытового золота? Решение, видимо, было продиктовано ведомственной принадлежностью. Союззолото объединяло предприятия золотодобывающей промышленности и входило в структуру Главцветмета, промышленного объединения, отвечавшего за добычу цветных металлов, которое, в свою очередь, находилось в ведении Наркомата тяжелой промышленности. В 1933 году Союззолото было преобразовано в Главзолото в составе Наркомтяжпрома. Главной функцией Союззолота была разработка месторождений, а не торговля. С появлением Торгсина магазины Союззолота, а затем Главзолота, локализовались. Они продавали товары на приисках в обмен на старательское золото, добытое сверх плана. Торговля в магазинах Союззолота на приисках напоминала торгсиновскую, даже цены на товары там были такие же, как в Торгсине (РГАЭ. Ф. 8153. Оп. 1. Д. 1. Л. 65; Ф. 8154. Д. 106. Л. 91 и об.).

⁹⁴ РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 26. Л. 162.

⁹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 44.

⁹⁶ Постановление № 1123 СНК СССР от 10 декабря 1931 года «О предоставлении Всесоюзному Объединению „Торгсин“ права производства операций по покупке драгоценных металлов (золота)» (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 12а. Д. 698. Л. 1).

что молва о Торгсине будет распространяться из уст в уста. И не ошиблось. Еще до появления официального решения слухи о том, что Торгсин будет продавать советским гражданам товары в обмен на валютные ценности, ходили по стране⁹⁷.

Согласно постановлению Совнаркома о начале торговли в обмен на бытовое золото, стоимость сдаваемых золотых предметов определялась исходя из содержания в них чистого золота и его цены, *выраженной в червонцах по паритету*⁹⁸. «Цена, выраженная в червонцах» – эта фраза требует осмысления. Сдатчики бытового золота не получали за него червонцы. И в начале деятельности Торгсина, и позже государство платило за сданные ценности не советскими деньгами, которые люди могли бы использовать в других магазинах или копить, а краткосрочными бумажными обязательствами, которые имели хождение только в Торгсине да на черном рынке, разросшемся вокруг него. Торгсиновский золотой рубль был условной расчетной единицей. Вначале в качестве платежных средств, удостоверявших сдачу валютных ценностей, в Торгсине использовались всевозможные суррогаты (квитанции Госбанка о переводе или размене валюты, а также рубли валютного происхождения, иностранная валюта, чеки иностранных банков и тревелерс-чеки Госбанка, золотые монеты царской чеканки). Потом, в конце 1931 года, появились ТОТ – товарные ордера, или боны, Торгсина, выдававшиеся в обмен на ценности. В 1933 году ТОТ заменили именными книжками. Однако тот факт, что цена сданного бытового золота, а следовательно и сумма, которую люди получали за свои ценности, *выражалась* в червонных рублях, придавал операциям Торгсина в глазах обывателя больше веса. Именно из-за этой особенности торгсиновский рубль назывался «золотым» «валютным» рублем. Хотя развал денежного обращения уже шел полным ходом, червонец формально сохранял репутацию обеспеченной золотом и товарами валюты. Постановление Совнаркома о начале торговли на бытовое золото, связав торгсиновский рубль с червонцем, как бы перенесло на него характеристики последнего – обеспеченность товарами, драгоценными металлами и устойчивой иностранной валютой по курсу на золото. Эти гарантии, однако, не были реальными, так как обменять торгсиновские «деньги» назад на золото, валюту и ценности было нельзя. Выполнение обязательств по товарному обеспечению золотого торгсиновского рубля полностью зависело от порядочности государства.

Постановление Совнаркома о начале торговли в обмен на бытовое золото уравнило сдатчиков золота в правах с теми, кто платил в иностранной валюте, то есть... с иностранцами! Иначе говоря, правительство обещало, что советский человек может купить все то, что и иностранец. Это равенство потребителей не реализовалось в жизни. Специальные магазины Торгсина для иностранцев по внешнему виду, культуре обслуживания и ассортименту отличались от простых торгсинов. Разница между элитным и простым торгсином определялась и разницей спроса. Советский покупатель в своей массе шел в торгсин от голода за самым насущным – хлебом, иностранцы же покупали антикварную экзотику и то, что позволяло им и в условиях Советской России иметь привычный для них уровень жизненного комфорта. Разумеется, были и среди советских посетителей торгсина те, кто мог позволить себе деликатесы, предметы роскоши и прочие «излишества». Вспомните хотя бы «сиреневого толстяка» в Торгсине у Булгакова⁹⁹ или безголосую модницу Леночку – «дитя Торгсина» – из фильма Александрова «Веселые ребята». Но элитный Торгсин советского потребителя был явлением немногих крупных магазинов в немногих крупных городах. В крестьянской голодной стране Торгсин как массовый феномен мог быть только голодным крестьянским, а его магазины – непохожими на роскошный «зеркальный» торгсин Булгакова на Смоленском рынке.

⁹⁷ РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 8. Л. 90.

⁹⁸ Паритет (равенство) между червонцем и золотом выражался золотым содержанием червонца, которое было определено в 7,74234 г чистого золота.

⁹⁹ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Глава 28. Последние похождения Коровьева и Бегемота.

Иногда полезно увидеть не только то, что есть в историческом документе, но и то, чего в нем нет. А ведь в постановлении Совнаркома о начале операций с бытовым золотом отсутствует классовый подход! Советская история 1930-х годов – это история социальной дискриминации, история неравенства «бывших эксплуататорских» и «трудящихся» классов, деревни и города, привилегий чиновников и уничтожения «врагов народа». Правительству не составило бы труда провести социальное размежевание и в Торгсине. Ущемление прав «социально чуждых» было нормой того времени, и недопущение их в Торгсин, по сути лишение валютных прав, логично бы вошло в иерархию 1930-х годов.

Но этого не случилось. В Торгсине все были социально равны. Правительство не стало делить его покупателей по социальному положению, происхождению, источникам получения дохода, их дореволюционной деятельности, национальности. О подобном разграничении нет ни слова ни в постановлении о создании Торгсина, ни в последующих документах, регламентировавших его деятельность. Не важно, кто приносил золото в Торгсин и какими путями оно досталось людям, лишь бы сдавали. Любой, у кого были ценности, мог обменять их на товары в Торгсине, будь то хоть «лишенец», хоть «враг народа». В Торгсине правил не класс, а «золотой телец». Ни пролетариат, ни нарождавшийся «новый класс» – партийная бюрократия – официальных привилегий там не имели. Деление его покупателей было экономическим. Нет золота – иди, мил человек, своей дорогой; есть золото – покупай; кто имел ценностей больше, мог и купить больше. В этом смысле в Торгсине не было ни грамма социализма, он функционировал как рыночное предприятие. Открывая Торгсин для советских граждан, государство в интересах индустриализации поступило не только принципом валютной монополии, но и основополагающим принципом марксизма – классовым подходом.

Интересно в этой связи провести параллель между Торгсином и существовавшей одновременно с ним государственной карточной системой. В ней тоже отсутствовал классовый подход. Распределяя продукты и товары по карточкам, правительство разделило население на группы не по классовому признаку, а по степени вовлеченности в индустриальное производство. В государственном пайковом снабжении хрестоматийные для марксизма классы – рабочие, крестьяне и интеллигенция – отсутствовали. Они были раздроблены на многочисленные подгруппы, перетасованы и объединены в новые группы по принципу непосредственной занятости в промышленном производстве. Лучшие пайки, если не считать небольшую группу советской элиты и красноармейский паек, полагались инженерам и рабочим на ведущих индустриальных объектах. Рабочие, занятые на неиндустриальном производстве, снабжались государством значительно хуже: нормы их пайка были ниже, ассортимент скуднее, а цены выше. В целом в годы карточной системы первой половины 1930-х город жил лучше деревни, а население крупных индустриальных городов снабжалось лучше, чем население неиндустриальных городов, небольших городков и поселков. Крестьяне, которые хотя и работали на индустриализацию, но непосредственно не были вовлечены в промышленное производство, могли рассчитывать на символическое государственное снабжение только при выполнении планов государственных заготовок. В крестьянском снабжении существовала своя иерархия, которая определялась специализацией колхоза или совхоза, а в конечном счете тем, насколько их товарная продукция была важна для индустриализации. Особенно парадоксально отсутствие классового подхода проявилось в пайковом снабжении изгоев советского общества – «лишенцев», раскулаченных, ссыльнопоселенцев. В отношении них тоже действовал принцип экономической целесообразности. В случае, если лишенный избирательных прав или раскулаченный работал на крупном индустриальном объекте, Магнитке например, то *по букве правительственных постановлений* он должен был получать такой же паек, как и вольный индустриаль-

ный рабочий. Правительство в пайковом снабжении приравнивало «деклассированный», «социально чуждый» и «опасный» элемент к индустриальной элите¹⁰⁰.

В Торгсине, как и в карточной системе, классовый подход уступил место практической выгоде, «индустриальному прагматизму», при котором интересы промышленного развития имели приоритет. «Индустриальный прагматизм» доходил до цинизма: любой мог отдать свое золото в Торгсин на нужды промышленного развития, но получить государственный пайк в те голодные годы мог далеко не каждый, а только тот, кого государство считало целесообразным кормить.

Согласно постановлению Совнаркома о начале торговых операций на бытовое золото, Торгсин должен был сдавать золото Госбанку по покупной стоимости. Иными словами, за что Торгсин покупал золото у населения, за то и отдавал его государству. Этот факт важен. Он свидетельствует о том, что Торгсин был всего лишь «насосом» в руках государства, который перекачивал золото из частных карманов в государственную казну. Торгсин работал не на себя. Он не мог нажиться на валютных операциях. Не Торгсин был удачливым предпринимателем, а советское государство. Оно получило золото в обмен на сомнительные бумажные обязательства, оно заставило людей платить за товары в Торгсине втридорога, с лихвой вернув в казну выплаченные за ценности деньги. Блистательность идеи состояла в том, что государство смогло получить валюту и золото, ничего не вывозя за границу, к тому же порой за товары сомнительного качества. Будь они вывезены за рубеж, удачей было бы выручить за них десятую, да что там, сотую часть тех валютных ценностей, что отдали советские люди, спасаясь от голода.

Руководство страны стремилось создать льготные условия для Торгсина. Его операции и оборот освобождались от всех государственных, местных и иных налогов и сборов. Местное советское и партийное руководство, представительства ОГПУ, Наркомфина и Госбанка должны были всячески содействовать в развертывании торгсиновской торговли – на это была дана специальная директива за подписью Сталина.

Комиссия Политбюро, состоявшая из руководителей «валютных» ведомств, определила районы деятельности Торгсина¹⁰¹. В добавление к Европейской части России, где уже существовала торгсиновская сеть, в постановлении были названы практически все крупные города Дальнего Востока, Сибири, Урала, Казахстана, Средней Азии и Закавказья. Торгсин должен был охватить своей торговлей городское и сельское население всей страны. Но были и районы, где деятельность Торгсина вначале запрещалась: прииски, местности вблизи золотодобывающих комбинатов¹⁰². Запрет был понятен, ведь соседство Торгсина могло стимулировать хищения с государственных предприятий золотодобывающей промышленности. Дело Торгсина было забрать ценности у населения, а скупкой золота у частников-старателей занималось Главцветметзолото, в распоряжении которого была аппаратура для определения точного места добычи – залог предотвращения краж у государства. Торгсину также запрещалось скупать золото в пограничной полосе, там хозяйничало ОГПУ.

Вернемся, однако, к Ефрему Владимировичу Курлянду. Заявляя права на свое авторство, он с обидой писал, что остался в тени, что не получил никакого вознаграждения за свое изобретение, а ведь его идея принесла колоссальные результаты: продажа на бытовое золото превратилась в главную статью доходов Торгсина, ставшего одной из ведущих валютных организаций страны. Курлянд рассчитывал на вознаграждение «по принципу премирования ценных предложений».

¹⁰⁰ Подробно о принципах снабжения населения в 1930-е годы см.: *Осокина Е.* За фасадом «сталинского изобилия».

¹⁰¹ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 12а. Д. 698. Л. 8.

¹⁰² Видимо, это правило не всегда соблюдалось. В апреле 1933 года Валютная комиссия СНК вынуждена была повторить запрет. К решению прилагался список населенных пунктов, где Торгсину запрещалось работать (РГАЭ. Ф. 5446. Оп. 14а. Д. 827. Л. 2, 5).

Был ли Курлянд самозванцем? Думаю, что он, действительно, одним из первых высказал идею продажи товаров на бытовое золото. Его служебное положение позволило ему достучаться до руководства Торгсина. Другое дело, что, как ни хороша была эта идея, она не реализовалась бы, если бы не работала в том же направлении, что и поиски «золотых» комиссий Политбюро. Два обстоятельства позволяют признать авторство Курлянда. Первое – имена свидетелей, которые он привел в своем письме. Среди них бывшие (в момент написания письма у них были уже другие должности) «член Оргбюро и организатор Торгсина» И. Шуляпин, заместитель председателя правления Торгсина В. К. Жданов, начальник валютного отдела Экономического управления ОГПУ Г. Я. Геляров, заведующий отделом скупки золота и ювелирных товаров Мосторга Грунт, секретарь ячейки ВКП(б) Торгсина Евдокимов, а также сослуживцы Курлянда по универмагу № 1¹⁰³. Вторым доказательством правоты Курлянда было то, что Наркомвнешторг поддержал его ходатайство. В архиве сохранился запрос Наркомвнешторга в Правление Торгсина, в котором Курлянд признавался автором идеи продаж на золото и «актуальным борцом за введение указанной идеи в жизнь». Наркомвнешторг называл идею Курлянда «изобретением по линии торговли на инвалютные ценности внутри страны». Никаких сомнений по поводу авторства Курлянда Наркомвнешторг не высказал, более того, просил Правление Торгсина дать заключение о размере премии: «Просьба указать, в какой сумме Вы полагали бы возможным премировать т. Курлянда, исходя из расчета экономического эффекта, полученного от проведения в жизнь этого мероприятия»¹⁰⁴.

На этом переписка обрывается. А интересно было бы узнать, какую премию получил Ефрем Владимирович Курлянд. Валютный эффект от реализации его предложения был огромен. Забегая вперед, скажу, что за недолгие годы своего существования Торгсин выкачал у населения ценностей на сумму около 300 млн золотых рублей (*табл. 24*), что по официальному курсу того времени составляло почти 150 млн долларов США покупательной способности 1930-х годов. Почти половину этой выручки составили бытовое золото и монеты, сданные советскими гражданами. Таким образом, реализация идеи Курлянда принесла государству более 60 млн долларов, сумму, в то время достаточную, чтобы купить импортное оборудование для Магнитки, Уралмаша, Днепростроя и Кузнецка вместе взятых. Живи Курлянд при капитализме, где существует право частной собственности на идеи, он стал бы богачом, в СССР же он, вероятно, получил почетную грамоту, может быть сто рублей и отрез драпа на пальто, а позже, в период террора, вполне мог быть и репрессирован¹⁰⁵.

Письмо Курлянда и переписка, связанная с ним, интересны тем, что позволяют не только вырвать из забвения имя человека, но и удивиться тому, с каким трудом эта поистине золотая для государства идея преодолевала бюрократические препоны. С предложения Курлянда до решения Политбюро об организации продаж на золото прошло более семи месяцев, прибавьте сюда еще более месяца до выхода постановления Совнаркома и фактического начала операций. Лихорадочные поиски валюты, от которой зависело индустриальное развитие страны, в реальной жизни первой пятилетки уживались с волокитой практической реализации, порожденной бюрократизмом и борьбой межведомственных интересов.

Еще один вопрос заслуживает внимания в связи с письмом Курлянда. Случайно ли, что идея продажи товаров на бытовое золото была высказана торговым работником, а не государственным бюрократом или политическим деятелем? Видимо, нет. Мышление у людей этих профессий разное. Для большевиков-революционеров «товар», «рынок», «прибыль» являлись понятиями другого, обреченного и побежденного, с их точки зрения, мира¹⁰⁶. Им и думать в

¹⁰³ РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 26. Л. 162.

¹⁰⁴ РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 26. Л. 161.

¹⁰⁵ О дальнейшей судьбе Е. В. Курлянда узнать не удалось.

¹⁰⁶ Не случайно основная масса партийцев в руководстве и на местах встретили предложение Ленина о переходе к новой экономической политике в штыки, а количество самоубийств среди партийцев резко выросло в годы нэпа.

этих категориях казалось ересью, предательством. Так учила их теория, а практика революции и Гражданской войны сформировала привычку насилия и убеждение в том, что сила прокладывает кратчайший путь к цели. Иное дело работники торговли – каждый день приходится деньги считать, думать о прибыли, проявлять гибкость. Только загнанное в тупик кризиса утопическими идеями политэкономии социализма и нагнетанием насилия большевистское руководство начинало действовать экономически целесообразно. В результате «красные атаки на капитал» чередовались с полурыночными реформами¹⁰⁷. Торгсин – одно из лучших тому свидетельств. Он весь – отрицание марксизма, пример крупномасштабного предпринимательства, где государство показало себя бизнесменом. Антирыночная деятельность сталинского руководства стала хрестоматийным местом в современной историографии. Однако в случае с Торгсином государство, напротив, находясь в тисках валютного кризиса и движимое интересами индустриального развития, приняло активное участие в расширении легальных рыночных и валютных отношений. Рынок в плановом хозяйстве СССР являлся, таким образом, результатом активности не только людей, но и государства.

В советской экономике любое частное предпринимательство, связанное с получением прибыли, считалось экономическим преступлением, спекуляцией. В этом смысле в Торгсине советское государство показало себя главным спекулянтом, а сам Торгсин *по букве закона* того времени являлся крупномасштабным экономическим преступлением.

Торгсин представлял своего рода второе пришествие легального валютного рынка в СССР. В отличие от валютного рынка нэпа руководство страны в первой половине 1930-х годов разрешило людям использовать золото и валюту в качестве средства платежа, хотя эта операция была ограничена рамками торгсиновских магазинов и завуалирована обменом ценностей на «деньги» Торгсина. Однако во многих других аспектах легальные валютные операции первой половины 1930-х годов были более жестко регламентированы, чем в период нэпа. Действительно, открыв Торгсин, государство подтвердило право людей иметь, без ограничения в размерах, в личном распоряжении валюту, золотые монеты и другие ценности. Однако, в отличие от периода нэпа, частные сделки купли-продажи золота и валюты не разрешались. В стране больше не работали биржи. Государство не проводило валютные интервенции, которые позволяли людям копить валюту и золотые монеты за счет государственных ресурсов. Иными словами, в период Торгсина у людей было меньше легальных способов пополнить свои валютные накопления. Практически единственным легальным источником пополнения валютных сбережений населения были переводы из-за границы.

За время существования легального валютного рынка нэпа Госбанк купил у населения золотых монет на сумму около 28 млн рублей, а продал почти на 60 млн рублей (*табл. 1*). Иными словами, более 30 млн рублей (по номиналу) во время валютных интервенций 1920-х годов перекочевало из хранилищ Госбанка во владение частных лиц. Сумма валютных ценностей, которую население купило у государства в период валютных интервенций, окажется еще больше, так как ценности продавал не только Госбанк, но и Особая часть Наркомфина¹⁰⁸. В то время как львиная часть иностранной валюты, купленной на бирже, уходила на оплату контрабанды и нелегального импорта, золотые монеты оседали в кубышках у населения, главным образом у крестьян и нэпманов¹⁰⁹.

¹⁰⁷ Идея о фазовом социально-экономическом развитии советского общества, где кризисы сменялись вынужденными рыночными, полурыночными или квазирыночными реформами, была высказана и исследована Бирмингемской научной школой, особенно Робертом Дэвисом. См., например: *Davies R. W. Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933. L., 1996.*

¹⁰⁸ По данным Юрия Голанда, валютные интервенции обоих ведомств, Госбанка и Наркомфина, с декабря 1922-го по февраль 1924 года показывают, что продажа золотых монет населению превысила их покупку государством на 19 млн руб. (по номиналу), а с учетом иностранной валюты превышение продаж над покупкой составило примерно 37,7 млн золотых руб. В то же время (январь, 1924) свободные от обязательств золотовалютные ресурсы Госбанка, по данным члена его правления З. Каценеленбаума, составляли всего лишь 130–140 млн рублей (*Голанд Ю. Указ. соч. С. 94*).

¹⁰⁹ *Goland Yu. Currency Regulation in the Nep Period. P. 1274.*

В отличие от валютных интервенций периода нэпа, Торгсин работал на поглощение, исчерпание валютных накоплений населения. Голод, разразившийся в стране, способствовал этому. За время своего существования Торгсин купил у населения монет старого чекана почти на 45 млн рублей, побив таким образом вольную скупку Госбанка первой половины 1920-х (*табл. 1, 24*). Он вернул государству не только то золото, что было продано населению через биржевых агентов в период валютных интервенций, но и накопления более раннего времени. Торгсин побил Госбанк и в скупке бытового золота. Если Госбанк за период с 1921-го до весны 1928 года купил у населения лишь немногим более 11 т «весового золота» (*табл. 1*), то Торгсин за четыре года работы (1932–1935) скупил почти в шесть раз больше – около 64 т.

Валютный рынок 1920-х годов служил стабилизации и укреплению денежной системы страны. Он был частью более обширного рыночного комплекса нэпа. В централизованной плановой экономике 1930-х годов Торгсин являлся рыночным *оазисом*. Он приносил прибыль, эксплуатируя состояние острейшего кризиса.

Валютные отношения 1920-х годов развивались в условиях относительно благополучной экономической и социальной жизни, именно поэтому люди видели смысл в том, чтобы менять валютные ценности на бумажные деньги, червонцы. Валютный рынок первой половины 1920-х был по преимуществу предпринимательским, деловым. Торгсин же был рожден бедой. Для большинства людей он являлся способом выжить. Он и стал-то возможен лишь потому, что государство предложило людям в обмен на ценности не деньги, а продовольствие и товары.

И наконец, тогда как валютный рынок первой половины 1920-х годов был уничтожен форсированной индустриализацией, Торгсин был рожден ею.

Глава 3

«От Москвы до самых до окраин»

*Затухающая пятилетка. Печаль победных реляций. Инспекторы и информанты. Хож-
дение в народ. «Правда, дело наше совсем не знает»: такая типичная история*

Период торговли с иностранцами – всего лишь предыстория Торгсина, подлинная история началась тогда, когда Торгсин открыл двери советскому покупателю. Сонная жизнь закрытого элитного предприятия сменилась взрывоподобным развитием поистине всенародного размаха. Открылись сотни новых магазинов, охватывая все более отдаленные от центра территории, рос товарооборот, множились функции Торгсина и ширился круг принимаемых им валютных ценностей. Великолепные магазины в городах или неприглядные лавчонки в богом забытых поселках – торгсиновская сеть покрыла всю страну. В СССР каждый знал о Торгсине, но и за границей зазвучало: «Шлите доллары на Торгсин!» Валютные планы правительства подстегивали рост Торгсина, а быстрый рост его торговли раззадоривал валютные аппетиты правительства.

Желание руководства страны забрать ценности населения на нужды индустриализации только отчасти объясняет молниеносный взлет торгсиновской торговли. Голод сыграл гораздо более важную роль в бурном развитии Торгсина в 1932–1933 годах, чем нужды страны и руководства. После относительного благополучия нэпа вернулась несытая жизнь. Люди жили впроголодь и в 1928-м, и в 1929-м, и в 1930-м, неурожайный же 1931 год вкупе с ростом государственных заготовок, коллективизацией и раскулачиванием стал смертным приговором для миллионов. Люди понесли в Торгсин все ценное, что имели, в обмен не на икру и меха, а на ржаную муку. Торгсину разрешалось принимать только валюту и золото, но голодные несли серебро, бриллианты, изумруды, картины, статуэтки, как бы подсказывая неповоротливому руководству, что еще у них можно забрать, чтобы превратить в станки и турбины для индустриальных гигантов. Следуя «инициативе снизу», правительство в конце 1932 года разрешило Торгсину принимать серебро, затем, в августе 1933-го – бриллианты и другие драгоценные камни, а также платину. Со временем Торгсин стал принимать у населения антиквариат и произведения искусства для продажи в валютных комиссионках. Но не будем забегать вперед. Посмотрим сначала, как малозначимая контора Мосторга превратилась в Торгсинию – торговую страну, чьи незримые границы далеко перешагнули географические рубежи СССР, а валютный вклад в дело индустриализации превзошел все ожидания.

Итак, в декабре 1931 года постановлением Совнаркома Торгсин в уплату за товары стал принимать бытовое золото советских граждан. Первые же месяцы «золотых операций» показали ошеломляющие результаты. Если за весь 1931 год, обслуживая иностранных туристов и моряков, Торгсин выручил менее семи миллионов рублей¹¹⁰, то один лишь первый квартал 1932 года принес более семи с половиной миллионов¹¹¹. Лишь треть этой суммы составили доходы от портовой торговли и переводы из-за границы, остальное обеспечили операции с золотом.

Эксперимент с продажей товаров на бытовое золото явно удался и выглядел столь многообещающим, что руководство перешло от экспериментальной к плановой деятельности. В апреле 1932 года появился пятилетний план работы Торгсина на 1933–1937 годы¹¹². В отличие от планов развития народного хозяйства, которые шли по нарастающей, пятилетка Торгсина

---

¹¹⁰ РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 133. Л. 18, 141–143; Внешняя торговля. 1936. № 1. С. 5.

¹¹¹ РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 21. Л. 22.

¹¹² Там же. Л. 20–22.

представляла затухающую кривую. После кратковременного взлета в 1933–1934 годах ожидалось падение валютных поступлений. Авторы плана объясняли ожидаемый взлет Торгсина «известными затруднениями и перебоями в снабжении», а затухание – улучшением жизни в СССР. Таким образом, с самого начала Торгсин задумывался как «кампания по эксплуатации голода»¹¹³.

Планируемое затухание деятельности Торгсина как нельзя лучше показывает, что его создатели понимали, что главным источником его доходов будет не валюта иностранцев, а ценные накопления советских граждан. Поскольку эти накопления были ограничены и практически не пополнялись, опустошение золотых кубышек станет концом Торгсина. Интересная деталь: авторы пятилетнего плана считали, что «Торгсин должен в процессе своей деятельности извлечь всю массу золота», однако, по расчетам пятилетки, к 1937 году у населения еще оставались золотые накопления. Значит, предполагалась и вторая пятилетка? Жизнь показала, что планируемые темпы затухания торгсиновской пятилетки оказались заниженными. В действительности массовый голод привел к более скорому исчерпанию ценных сбережений населения. Первая торгсиновская пятилетка была завершена досрочно. У Торгсина не оказалось не только второй пятилетки, он не дожил и до конца первой, его закрыли в феврале 1936 года.

Первый, он же и последний, торгсиновский пятилетний план подтверждает уже отмеченную ранее неповоротливость руководства страны. Вне сферы Торгсина авторы плана оставили многие ценности – бриллианты, платину, произведения изобразительного искусства, серебро. Жизнь позже внесла коррективы в план. Тем не менее шаг был сделан серьезный. Теперь не только иностранцы, но и советские граждане могли платить в Торгсине иностранными деньгами – долларами, фунтами, марками, тугриками. Следует, правда, оговориться. Советским людям разрешалось платить только той иностранной валютой, которую они получили легально по переводам из-за границы. Без этой оговорки выходило бы, что правительство не возражало и против покупки валюты с рук на черном рынке. В действительности, однако, Торгсин не чинил препятствий, если люди приносили валюту, не подтвержденную денежным переводом. Правительство закрывало на это глаза. Специальное секретное распоряжение лишь требовало, чтобы подобные нарушения не афишировались.

Показателен в этой связи случай с объявлением на занавесе оперного театра в Одессе: «„ТОРГСИН“ отпускает товар всем гражданам за инвалюту». Правление Торгсина телеграммой (!) потребовало объявление снять. И вовсе не потому, что оно было на занавесе в оперном театре. В разъяснении к телеграмме говорилось: «Согласно имеющегося у Вас по этому вопросу секретного распоряжения, афишировать этот вид операций нельзя. Не возражая в принципе против рекламы на занавеси, срочно предлагаем изменить ее текст, указав примерно, что „Торгсин производит выдачу товаров из своих магазинов в Одессе и др. крупных городах гражданам за инвалюту, поступающую на их имя через Торгсин из-за границы“...» (курсив мой. – Е. О.)¹¹⁴.

Согласно пятилетнему плану, золото, включая монеты, изделия и лом, должно было играть главную роль в Торгсине. Даже к концу затухающей торгсиновской пятилетки и исчерпанию народных сбережений поступление золота не должно было опускаться ниже 60 % в общей сумме привлеченных валютных ценностей. Таким образом, торгсиновская пятилетка фактически подтвердила законность частного владения золотом – иметь и хранить его дома не являлось преступлением. Не ограничивалось и количество золота в частном владении. Более того, по смыслу написанного выходило, что чем больше золота было у людей, тем лучше –

¹¹³ Авторы плана сформулировали эту мысль политически корректно: «...должно отвергнуть версию о возрастающей кривой пятилетнего плана Торгсина как неверие в то, что вторая пятилетка улучшит положение трудящихся масс в 2–3 раза» (РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 21. Л. 20).

¹¹⁴ РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 5. Л. 193.

больше принесут в Торгсин. Следуя этой логике, хотя составители плана прямо и не говорили об этом, действия ОГПУ по изъятию золотых сбережений населения являлись незаконными.

В начале торговых операций на бытовое золото (декабрь 1931) у Торгсина было около 30 магазинов. Они работали в немногих наиболее крупных городах и портах. Но уже через год, к концу октября 1932 года, число торговых точек Торгсина выросло до 257, а к началу 1933 года превысило 400. Это значит, что за осень 1932 года был сделан скачок, почти равный предшествующему годовому развитию. Торговля Торгсина росла не только за счет числа магазинов, но и территориально. В марте 1932 года магазины Торгсина работали в 43 городах, в июле – в 130, в сентябре – в 180, а в конце октября – в 209 городах СССР¹¹⁵. Но это было только начало. Постановление Совнаркома предписывало Наркомфину отпустить в I квартале 1933 года 5 млн рублей на развитие деятельности Торгсина. К апрелю 1933 года правительство планировало увеличить число торгсиновских магазинов до 600, затем подняло эту цифру до 1000¹¹⁶. Но и это повышенное задание было перевыполнено. В августе 1933 года у Торгсина было 1500 торговых точек, а его руководство просило у правительства разрешения открыть еще 250 магазинов¹¹⁷. В ответ Совнарком ассигновал из своего резерва 2,5 млн рублей на расширение торговой сети Торгсина¹¹⁸. Казалось бы, победная статистика, но цифры эти печальные. За победными реляциями Торгсина 1932–1933 годов скрывается голод.

Торгсин освоил сначала крупные города, которые стали форпостами для проникновения в глубинку. По мере расширения географии Торгсина складывалась его структура. Открытие магазина в крупном городе, как правило, значило создание конторы Торгсина: открылся магазин в Киеве – появилась Киевская контора, открылся в Казани – Казанская. Конторы затем развивались, открывая новые отделения Торгсина на подведомственной территории, которые со временем могли получить более высокий статус и стать самостоятельными конторами. Структура контор Торгсина повторяла общее административно-территориальное деление СССР первой половины 1930-х годов. Следуя ему, конторы подразделялись на городские, областные, краевые и республиканские. Весной 1932 года в Торгсине существовало 26 контор, через год их число выросло до 34, а к 1935 году достигло 40¹¹⁹.

Наиболее разветвленная сеть контор работала на территории Российской Федерации. Она сложилась уже к лету 1932 года. Помимо наиболее старых¹²⁰ Московской, Ленинградской и Северной (порт Архангельск), были созданы Ивановская (г. Иваново-Вознесенск), Западная (г. Смоленск), Воронежская (позже Центрально-Черноземная), Нижегородская (позже Горьковская), Нижне-Волжская (г. Сталинград), Средне-Волжская (г. Самара), а также Башкирская (г. Уфа) и Татарская (г. Казань) конторы. К концу 1933 года выделились самостоятельные Курская, Саратовская и Северо-Кавказская (г. Ростов-на-Дону) конторы¹²¹.

На Дальнем Востоке Торгсин сначала существовал как спецотдел в местном госторге: первые магазины там были открыты еще летом 1931 года. В течение 1932 года деятельность Торгсина в этом регионе активно развивалась, и число магазинов Дальневосточной конторы

¹¹⁵ РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 12. Л. 239; Д. 26. Л. 34–39; Д. 66. Л. 29, 110; Д. 105. Л. 19; ГАСО. Ф. 1425. Оп. 1. Д. 16. Л. 32. Только немногие наиболее крупные центры – Москва, Ленинград, Киев, Харьков – имели по несколько магазинов Торгсина в одном городе, а в остальных случаях действовало правило «один магазин на город». Исходя из этого, цифра 1500 торговых точек в августе 1933 года, видимо, лишь слегка превышает число населенных пунктов, охваченных торгсиновской торговлей.

¹¹⁶ Данные о росте числа магазинов Торгсина см.: РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 12. Л. 239; Д. 23. Л. 122; Д. 26. Л. 34–39; Д. 66. Л. 29, 110; Д. 105. Л. 19; ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 14а. Д. 825. Л. 1, 4; ГАСО. Ф. 1425. Оп. 1. Д. 16. Л. 32.

¹¹⁷ В соответствии с опубликованными итогами работы Торгсина пиком развития его торговой сети стал ноябрь 1933 года – 1526 торговых точек по стране (Внешняя торговля. 1936. № 1. С. 5).

¹¹⁸ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 14а. Д. 834. Л. 2.

¹¹⁹ Список контор Торгсина на июнь 1931 года см.: ГАСО. Ф. 1425. Оп. 1. Д. 2. Л. 15; на весну 1932 года: ГАСО. Ф. 1425. Оп. 1. Д. 1. Л. 8; на весну 1933 года: РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 63.

¹²⁰ Историю развития Московской, Ленинградской и Западной контор Торгсина см. в приложении.

¹²¹ Из Северо-Кавказской выделилась затем самостоятельная Азово-Черноморская контора.

Торгсина к началу 1933 года достигло двадцати шести. Из Дальневосточной конторы вскоре выделились самостоятельные Приморская (г. Владивосток), Хабаровская и Амурская.

В начале 1932 года началось создание торгсиновской сети в Сибири, где появились две краевые конторы – Восточно-Сибирская с центром в Иркутске и Западно-Сибирская в Новосибирске. В Свердловске открылась Уральская контора. В 1933 году из Уральской и сибирских контор выделились самостоятельные Кировская, Челябинская, Оренбургская, Омская и Якутская (г. Якутск) конторы.

Украина стала второй после РСФСР советской республикой с наиболее развитой торгсиновской сетью. Еще в мае 1931 года появилась Киевская контора, а в августе была открыта Харьковская. Осенью 1931 года на Украине работало восемь магазинов. К лету 1932 года сформировались Винницкая, Одесская, Днепропетровская, Донецкая (г. Мариуполь) и Черниговская конторы Торгсина, которые просуществовали вплоть до его ликвидации.

Осенью 1931 года конторы Торгсина появились в Крыму (г. Симферополь) и Закавказье, где образовались Азербайджанская (г. Баку), Грузинская (г. Тифлис), Аджарская (г. Батум), а позже, в конце 1933 года, Армянская (г. Ереван) конторы. К лету 1932 года уже действовала Белорусская контора с центром в Минске. В начале 1932 года рассматривался вопрос об открытии контор Торгсина в Средней Азии¹²². Активное развитие Торгсина проходило в этом регионе летом – осенью 1932-го и в 1933 году. В результате появились республиканские конторы в Узбекистане (г. Ташкент), Туркмении (г. Ашхабад), Таджикистане (г. Сталинабад), Киргизии (г. Фрунзе) и Каракалпакии (г. Турткуль). Казакская¹²³ контора с центром в Алма-Ате уже существовала к лету 1932 года, но активно развивать ее начали в конце 1932 года. В начале 1933 года открылась Всемолдавская контора (г. Тирасполь).

Торгсиновская сеть покрыла территорию Советского Союза от Смоленска до Владивостока, от Ашхабада до Архангельска. Поистине, как пели в советское время, «от Москвы до самых до окраин, с южных гор до северных морей»!¹²⁴ Развившись, сеть стала напоминать кровеносную систему размером в шестую часть земного шара: из Москвы, как от сердца, тянулись ниточки сосудов к столицам торгсиновских контор. Четкие в начале, они затем ветвились, превращаясь в путаную сеть микроскопических капилляров, концы которых терялись в городках и поселках, чьи названия были известны разве что местному жителю. Организм этот жил лихорадочной жизнью, его пульс был то бешеным, то вялым – Москва периодически вбрасывала деньги и товары, которые, пройдя сложную систему связей, поглощались конторами и потребителем; обратным же течением торгсиновская сеть несла в Москву мешки с монетами, золотым и серебряным ломом, бриллиантами и пачками разноязыких купюр.

Во главе контор стояли управляющие, которые подчинялись председателю Правления Торгсина в Москве. Со временем в республиках появились назначенные Правлением республиканские представители. Они работали на Украине (г. Харьков), в Закавказье (г. Тифлис) и Средней Азии (г. Ташкент)¹²⁵. Анализ материалов среднеазиатских контор Торгсина позволяет, однако, сказать, что республиканский представитель был фигурой безвластной. Правление наделило его лишь функциями контроля. Ни фондов, ни права решать оперативные

¹²² Об истории развития Торгсина в Средней Азии см. приложение.

¹²³ В 1930-е годы Казахстан именовался Казакстаном. В то время административно он входил в состав РСФСР. Правда, руководители Торгсина порой путались. Так, председатель Торгсина Сташевский в декабре 1932 года ругал уполномоченного Торгсина в Средней Азии Шилова за плохую работу Казакской конторы, на что тот справедливо заметил, что эта контора, как автономная, подчиняется не Среднеазиатскому представительству, а непосредственно Москве (Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз). Ф. 288. Оп. 1. Д. 3. Л. 7).

¹²⁴ «Песня о Родине» («Широка страна моя родная...») поэта Василия Лебедева-Кумача и композитора Исаака Дунаевского.

¹²⁵ Управление уполномоченного Торгсина в Средней Азии существовало с 13 ноября 1932 года до 5 октября 1934 года. Среднеазиатское представительство курировало Узбекскую, Туркменскую, Таджикскую и Киргизскую конторы, а также торговые точки в Каракалпакии.

вопросы он не имел. Подчинение ему республиканских контор выглядит номинальным. Фактически принимать решения, включая и оперативные, могла только Москва. В Средней Азии, например, в ноябре 1933 года республиканские конторы требовали вместо безвластного все-республиканского представителя создать Среднеазиатскую контору, наделенную торгово-оперативными правами и финансовыми средствами, которой стали бы подчиняться торгсины всех среднеазиатских республик¹²⁶.

Представительства Торгсина появились и за границей. Торговые агенты и реклама агитировали иностранного обывателя переводить деньги на счет Торгсина или заказывать через него продовольственные посылки для родственников и друзей в СССР.

Архивные материалы позволяют не только увидеть общую панораму развития Торгсина, но и провести микроанализ, посмотреть, как в реальной жизни проходило открытие его контор. После того как комиссия Политбюро определила основные районы деятельности Торгсина, на места поехали инспектора Правления. Приезжая в республику, край или область, они прежде всего шли в местный комитет партии и представительство ОГПУ, заходили также в местный Совет и отделение Госбанка. Цель визитов состояла не только в том, чтобы лично поставить в известность местных руководителей о начале валютных операций на их территории, но и в том, чтобы получить сведения о ценных накоплениях населения и помощь в подборе кадров и помещений. Правление Торгсина рассылало на места письма с призывами оказывать его посланцам полное содействие¹²⁷.

Целесообразность открытия магазина в том или ином городе определялась многими факторами: близостью к железной дороге и удобством путей сообщения, наличием в округе снабженческих организаций, в первую очередь отделений Заготзерна и нефтескладов – мука, крупа и керосин были самыми ходовыми товарами. Но наиглавнейшим условием открытия торгсина был валютный потенциал населения. Информантами являлись ОГПУ – кому как не его сотрудникам было знать о припрятанном золоте, а также Госбанк с его сведениями о валютных переводах местному населению. Для определения валютного потенциала территории инспектора принимали во внимание, насколько богатым были в прошлом местное дворянство, промышленная буржуазия, купечество, мещане; а также количество иностранных рабочих и специалистов на местных предприятиях, близость границы, развитие золотодобычи, прежде всего частного старательского промысла, торговые пути караванов заморских купцов, поступление валютных переводов из-за границы и многое другое. Валютный потенциал мог быть определен «на глазок» по косвенным признакам: «В городе нет ни одного заргара (туземного ювелира)», – писал инспектор из Узбекистана, делая вывод, что золота у населения нет¹²⁸. Раскулачивание крестьян, которое в ходе коллективизации началось накануне развертывания торговой сети Торгсина, противоречило его интересам и служило доводом против открытия торгсина в этом районе¹²⁹. То, что валютный потенциал территории был главным фактором в решении об открытии магазинов Торгсина, подтверждает распоряжение его Правления о закрытии магазинов там, где запасы золота у населения были исчерпаны¹³⁰. На основе данных о валютном потенциале территории инспектор должен был приблизительно определить для нее план скупки ценностей.

¹²⁶ ЦГА РУз. Ф. 288. Оп. 1. Д. 62. Л. 92.

¹²⁷ См., например, письмо председателя Правления Торгсина М. И. Шкляра в Экономический отдел ГПУ Свердловска, датированное ноябрем 1931 года (РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 2. Л. 26).

¹²⁸ ЦГА РУз. Ф. 288. Оп. 1. Д. 3. Л. 53а. Менее детальные и обстоятельные доклады о валютном потенциале Северо-Западного региона (Псков, Карелия и др.) см. в архиве Торгсина в Выборге: ЛОГАВ. Ф. 1154. Оп. 2. Д. 5. Л. 107 об., 108 об., 123.

¹²⁹ В связи с предполагаемым открытием магазина Торгсина в г. Чуст инспектор Лукерин писал: «Сельское население Чуста, в отличие от городского населения других пунктов, имеет менее тенденций и возможностей к накоплению золота в изделиях, тем более, повторяем, что зажиточное население своевременно раскулачено» (ЦГА РУз. Ф. 288. Оп. 1. Д. 3. Л. 53а).

¹³⁰ РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 32. Л. 4.

О результатах разведки инспекторы доносили в Москву. Интересна в этой связи докладная записка по Средней Азии, составленная в самом начале деятельности Торгсина в этом регионе, в феврале 1932 года¹³¹. Инспектор определил наиболее перспективные города и привел доводы в пользу их выбора: Ташкент – до революции самый крупный в Средней Азии торговый и административный центр с высоко оплачиваемым чиновничеством, в советское время – место притяжения состоятельных людей из других городов и значительных переводов из-за границы. К тому же город посещали афганские купцы. План привлечения золота для Торгсина в Ташкенте инспектор определил в 270 тыс. рублей. Бухара – в дореволюционное время сосредоточие «колоссальных сумм в золоте и золотых изделиях» – активно торговала с соседними государствами, значит есть иностранная валюта. Начальное плановое задание для Торгсина в Бухаре инспектор определил в 90 тыс. рублей. Ашхабад – близость Персии и контрабандная торговля, значительные запасы бытового золота. Задание – 46 тыс. рублей. Коканд и Андижан – центры хлопководства, «в прежнее время имели весьма значительное число состоятельных лиц, от которых несомненно осталось и до настоящего времени золото». Здесь Торгсин, по мнению автора записки, мог рассчитывать на получение около 42 тыс. рублей. В Самарканде, учитывая наличие состоятельных людей в прежнее время и возросшее значение этого центра при советской власти, инспектор рассчитывал получить 60 тыс. рублей. А вот валютный потенциал города Фрунзе (Бишкек) автор записки оценил низко: золотые операции не дадут больше 25 тыс. рублей, так как поступление переводов из-за границы невелико, а иностранцев нет. В ноябре 1932 года, однако, уже другой инспектор, занимавшийся организацией Киргизской конторы, опровергая это мнение, писал из Фрунзе: «Из разговоров с начальником экономического отдела ГПУ выяснилось, что запасы золота у нас имеются в больших размерах и многие ждут открытия Торгсина, т. к. опасаются его конфискации соответствующими органами»¹³².

Открытие Торгсина в городах Наманган, Термез и Фергана (Узбекистан), а также в туркменских городах Керки и Кушка в 1932 году автор докладной записки считал нежелательным, так как состоятельных лиц там было не много, торговля велась в основном на серебро, а также, что интересно, потому, что в этих городах «мало лиц, которых можно было бы заинтересовать покупкой высокосортных товаров». Пессимистичную оценку валютного потенциала Туркмении находим и в другой докладной записке. По мнению автора, рассчитывать на большое количество золота у советских граждан, живших в Туркмении, не приходилось: русское население – в основном приезжие, есть у них кольца, перстни, серьги, брошки, но по мелочи; «туркмены сами являются с давних лет небогатым, эксплуатируемым населением, к тому же страсть у них была заводить вещи не из золота, а из серебра»; остаются армяне – «народ довольно развитой» и раньше занимались торговлей. Видимо, заключал автор, основными покупателями в Туркменском Торгсине будут армяне¹³³.

Изучение валютного потенциала Таджикистана показало, что открытие универмага в главном городе Сталинабаде могло оказаться рискованным – иностранцев всего лишь пара десятков человек, рассчитывать приходилось только на советских людей, у которых могло быть царское и бухарское золото, но, по мнению инспектора, все зависело от ассортимента товаров. Более перспективным, с его точки зрения, выглядел Сарай-Камар, где было много иностранных рабочих и приезжих купцов¹³⁴.

Разведдонесения поступали со всех концов страны. Инспектор с Кубани просил организовать фургонную торговлю в станицах, так как у казаков были значительные старые золотые

¹³¹ ЦГА РУз. Ф. 288. Оп. 1. Д. 90. Л. 58–59. Донесения по другим районам в связи с предполагаемым открытием в них торгсинов см.: ЦГА РУз. Ф. 288. Оп. 1. Д. 63. Л. 26–27 и 27 об.

¹³² ЦГА РУз. Ф. 288. Оп. 2. Д. 3. Л. 1.

¹³³ Там же. Оп. 1. Д. 12. Л. 21.

¹³⁴ Там же. Л. 43.

накопления¹³⁵. Уполномоченный Торгсина писал из Украины, что в годы Гражданской войны и нэпа в республике осело большое количество золотых монет и валюты¹³⁶. Из Восточной Сибири инспектор Торгсина сообщал, что в районе города Сретенска добрая половина крестьян занималась лотошничеством, мыли золото на брошенных приисках. Крестьяне, нуждаясь в советских деньгах, продавали на рынке это золото китайцам. Утечка за границу составляла порядка 30 кг в месяц. Следовал вывод о том, что надо бы Торгсину организовать скупку золота в этом районе¹³⁷. Но инспектор отмечал и другую, в данном случае негативную особенность Восточной Сибири – отсутствие до революции «в большом количестве крупной промышленности и торговой буржуазии, помещичьих усадеб, родовой аристократии, крупного чиновничества и богатого мещанства, которые являлись главными держателями бытового золота, серебра, драгоценных камней и пр., поэтому этого вида ценностей не много»¹³⁸.

Здесь следует остановиться и сделать небольшое, но важное отступление. В большинстве неперспективных городов и поселков, забракованных инспекторами Правления, торгсины все же были открыты. Кроме того, первоначальные критерии открытия магазинов – дореволюционное богатство, иностранцы, близость границы – перестали учитываться. Торгсиновские лавчонки появлялись в более-менее крупных населенных пунктах, а разъездная торговля и коробейники забирались в «медвежьи углы». Все это позволяет сказать, что облик Торгсина в процессе его развития изменился. Во время голода Торгсин перестал быть явлением относительно благополучных городских центров и предприятием элитной торговли. Теперь он «подскребал по сусекам» всё и у всех. Он собирал вроде бы понемногу, по принципу «с миру по нитке – голому рубаха», но широко, а взамен предлагал в основном не предметы роскоши и деликатесы, а самое простое, жизненно необходимое. Торгсин шагнул в народ.

Развитие Торгсина, подстегиваемое окриками сверху и подгоняемое инициативой снизу, отставало как от планов, так и от голодного спроса, о чем свидетельствовали длинные очереди, с ночи выстраивавшиеся у его приемных пунктов. Вместе с тем стремление охватить как можно больше населения и спешка привели к тому, что в период бурного роста Торгсина было открыто множество нежизнеспособных, нерентабельных магазинов, которые бременем огромных издержек легли на бюджет государства¹³⁹. Прогорев, они закрывались.

Высшее руководство страны стояло на страже интересов Торгсина, ведь он работал на индустриализацию. В особых папках Политбюро первой половины 1930-х годов решения по экспортным вопросам практически всегда содержат директивы по Торгсину¹⁴⁰. Политбюро санкционировало прием в Торгсине того или иного вида ценностей¹⁴¹. По наказу из Кремля в прессе по всей стране была организована кампания с разъяснением задач и важности Торгсина. Вышло несколько высоких постановлений, которые обязывали местное партийное и советское руководство оказывать содействие этой организации. Так, в апреле 1932 года появилась директива ЦК и письмо Сталина о срочном предоставлении Торгсину помещений¹⁴². Политбюро

¹³⁵ РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 51. Л. 27.

¹³⁶ Там же. Д. 2. Л. 37–38.

¹³⁷ Там же. Д. 41. Л. 22.

¹³⁸ Там же. Д. 98. Л. 59.

¹³⁹ Вот лишь несколько примеров: «В открытых в августе точках в Рыбачьем и Кочкоре за октябрь месяц было привлечено валютных ценностей на 300 руб., в Сазановке за 10 дней на 57 руб. и в Покровке за 10 дней 77 руб., то есть в среднем в день по 9 руб. при ежедневных торговых расходах в среднем по 133 руб. в день или в 15 раз больше против поступивших ценностей, не говоря о колоссальных накладных расходах в связи с большой удаленностью этих торговых точек, от 250 до 400 км, от Центральной базы (г. Фрунзе) и железной дороги» (ЦГА РУз. Ф. 288. Оп. 1. Д. 62. Л. 91).

¹⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 134; Д. 12. Л. 120; Д. 15. Л. 177. Торгсин продавал товары внутри СССР, но считался экспортной организацией, так как торговал на валютные ценности и снабжался товарами экспортного качества.

¹⁴¹ Так, 3 ноября 1931 года именно Политбюро разрешило «золотые», а 24 ноября 1932 года «серебряные» операции в Торгсине (Там же. Д. 11. Л. 44; Д. 14. Л. 17).

¹⁴² Упоминание о директиве и письме см.: РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 38. Л. 1 об.

требовало от руководителей наркоматов производить отгрузку и перевозку товаров для Торгсина «вне всяких очередей». В августе 1932 года Политбюро в предчувствии голодного спроса приняло директиву о предоставлении Торгсину «имеющихся на внутреннем рынке товаров в неограниченном количестве»¹⁴³. Директивой Политбюро запрещалось расширять снабжение внутреннего рынка за счет уменьшения планов Торгсина¹⁴⁴. Политбюро регулировало отношения между Торгсином и поставщиками – объединениями промышленности – в определении ассортимента (вплоть до обеспечения оберточной бумагой), цен, объемов поставок, сроков¹⁴⁵, а также отношения Торгсина с «валютными смежниками» – «Антиквариатом», «Интуристом» и «Отелем»¹⁴⁶. Политбюро утверждало планы Торгсина, определяло политику его цен. Оно давало разрешения на открытие счетов иностранных посольств в Торгсине¹⁴⁷. Политбюро принимало решения о закупке для Торгсина импортных товаров¹⁴⁸. В случае затруднений руководство Торгсина через Наркомат внешней торговли, а бывало и напрямую¹⁴⁹, обращалось в Политбюро, чтобы надавить на тех, кто специально или по нерадивости мешал его работе.

Однако «до бога высоко, до Москвы далеко»: зависимость варягов-инспекторов и торгсиновских директоров от сталиных местного масштаба была велика. Административно-территориальный статус конторы определял уровень местных властных структур, с которыми приходилось иметь дело торгсиновскому руководству. Спектр был широк – от районного комитета партии до республиканского ЦК и Совнаркома. Местные партийные, советские руководители и полномочные представительства ОГПУ рекомендовали и утверждали кандидатуры управляющих контор и директоров магазинов, санкционировали открытие торгсинов, отвечали за выполнение валютных планов. От местного руководства зависело обеспечение помещениями: Торгсин требовал для себя лучшие здания в центре города, а они, как правило, уже были заняты.

Несмотря на высокое покровительство Политбюро и директивы об оказании содействия Торгсину, местные власти по-разному реагировали на появление торгсиновских контор в их «уделе». Туркменский ЦК и Совнарком, например, взяли республиканский Торгсин под свою опеку, считая выполнение его валютных планов своим кровным делом¹⁵⁰. Но были и случаи отторжения. ЦК КП(б) Таджикской ССР в декабре 1932 года специальным постановлением отказался открывать магазины Торгсина в своей республике. Реакция Совнаркома Таджикской ССР также была отрицательной. Его постановление гласило: «В связи с наличием в Сталинабаде самостоятельной организации Таджикзолото (республиканское представительство Цветметзолота. – *Е. О.*), которая наряду с промышленной добычей золота ведет работу по скупке золота, считать нецелесообразным создание параллельной организации „Торгсин“». Особенно замечательно по своей смелой независимости заключение этого постановления: «Поручить Таджикзолото немедленно развернуть работу по организации торговых точек по районам, в первую очередь в Ходженте»¹⁵¹. ЦК Таджикистана по своей инициативе предложил Таджикзолоту начать продажу товаров и на иностранную валюту.

¹⁴³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 13. Л. 61.

¹⁴⁴ Там же. Д. 15. Л. 158–159.

¹⁴⁵ См., например: Там же. Л. 159; Д. 13. Л. 88; Д. 14. Л. 63, 69; Д. 15. Л. 16, 173–174.

¹⁴⁶ «Интурист» должен был заниматься «транспортировкой иностранных туристов», «Отель» – ведением гостиничного хозяйства. Этим организациям запрещалось открывать свои магазины и рестораны вне гостиниц, дабы не конкурировать с Торгсином (РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 4. Л. 74; Д. 17. Л. 138).

¹⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 14. Л. 19, 25.

¹⁴⁸ Там же. Д. 11. Л. 49; Д. 12. Л. 34.

¹⁴⁹ ЦГА РУз. Ф. 288. Оп. 1. Д. 3. Л. 45 и об.

¹⁵⁰ В своих постановлениях они объясняли подчиненным комитетам партии и местным советам, что планы Торгсина – это государственное задание, обязывали выделять Торгсину лучшие помещения и кадры, запрещали отзываться торгсиновских директоров на военные сборы и «кампании помощи селу» (ЦГА РУз. Ф. 288. Оп. 1. Д. 76. Л. 18, 19, 93 и об.).

¹⁵¹ ЦГА РУз. Ф. 288. Оп. 1. Д. 3. Л. 16.

Руководство Таджикистана фактически подменило решение Политбюро о развитии Торгсина своим постановлением о развитии Таджикзолота – рецидив республиканской политической и хозяйственной автономии, более типичной для 1920-х, чем для 1930-х годов и последующих десятилетий. Но это еще и один из многих примеров конфликтов валютных интересов ведомств. По донесению уполномоченного Торгсина в Средней Азии С. Шилова, Таджикзолото препятствовало открытию магазинов и скупочных пунктов Торгсина и, «опасаясь потерять известную часть доходных статей от этой торговли», требовало покровительства республиканского руководства. Однако Таджикзолото, в чьем распоряжении было всего три магазина, которые к тому же не принимали ни серебро, ни иностранную валюту, ни переводы, не могло тягаться по потенциалу с Торгсином, как и республиканские власти не могли устоять перед политической силой Москвы. Шилов пожаловался в местное представительство Наркомата внешней торговли и Правление Торгсина в Москве, те обратились за помощью в ЦК партии. Судя по тому, что Таджикская контора Торгсина была создана, Политбюро «поправило» республиканских товарищей¹⁵². Примеры антиторгсиновских действий столь высокого уровня единичны, однако случаев повседневного саботажа Торгсина местными властями более чем достаточно. Неприязненное или безразличное отношение к Торгсину со стороны местных партийных и советских властей объяснялось как их загруженностью работой, так и корыстью и мстительностью. В обмен на помощь местная номенклатура требовала привилегий в Торгсине, пытаясь превратить его в «свой магазин». Руководство Торгсина при поддержке Политбюро боролось против превращения торгсинов в кормушку местной власти, те отвечали саботажем: «раз нам нет ничего, так и о помощи не просите».

Приведу для примера историю создания Крымской конторы Торгсина. Она является типичной и иллюстрирует процесс взаимодействия инспекторов Правления Торгсина и местной власти в период развертывания торгсиновской сети¹⁵³. Осенью 1931 года в Крым приехал инспектор Торгсина Л. С. Паллей с поручением Правления организовать областную контору с центром в Симферополе и подчиненными ей отделениями в Феодосии, Евпатории, Севастополе и других городах. До приезда Паллея в портах Крыма уже работали магазины Торгсина, которые подчинялись напрямую Москве. Предстояло существенно расширить торговую сеть и объединить старые «беспризорные» торговые точки под единым началом местного управляющего Торгсина. Донесение Паллея в Москву о перспективах работы обнадеживало: «По собранным мной сведениям мне известно, что у населения Крыма вполне достаточно средств для нашего дела»¹⁵⁴.

Областной партийный комитет предложил кандидатуру управляющего Крымской конторы. После согласования с инспектором Правления Торгсина обком утвердил ее на заседании своего бюро. Управляющим Торгсина в Крыму стал местный партиец Петр Митрофанович Новиков, 1895 года рождения, из семьи рабочего-железнодорожника. Новиков был родом из Феодосии, вся его жизнь прошла в Крыму. Здесь он закончил городское училище, стал рабочим, с 1915 года служил матросом на Черноморском флоте. В январе 1917 года Новиков вступил в партию большевиков. Будучи бойцом Красной гвардии, защищал советскую власть в Крыму. После Гражданской войны работал в «особых отделах и органах» ЧК, а затем перешел на руководящую административную и хозяйственную работу.

Назначение революционера-партийца управляющим конторы Торгсина было обычной практикой тех лет. Как и везде в стране, в Торгсине партия расставляла на руководящие посты своих комиссаров. Анализ материалов Правления Торгсина, а также Московской, Ленинград-

¹⁵² Там же. Л. 1, 8, 16, 19 и об., 41, 47, 51.

¹⁵³ Типичность этой истории подтверждают донесения других инспекторов Правления. См., например: РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 5. Л. 184, 289; Д. 15. Л. 118, 162; Д. 71. Л. 102.

¹⁵⁴ РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 2. Л. 32–33.

ской, Западной и Среднеазиатских контор свидетельствует, что все управляющие контор и республиканские уполномоченные, почти все директора магазинов и значительная часть их замов были партийцами. Коль речь шла о работе с валютными ценностями, при назначении на руководящие посты предпочтение отдавали людям с опытом работы в «органах». Недостаток образования и отсутствие экономических знаний не препятствовали назначению, ведь «не было таких крепостей, которые не могли взять большевики», а «каждая кухарка могла управлять государством». Новиков в этом – отличный пример. «Правда, наше дело совсем не знает» – писал о нем инспектор Паллей в Москву.

Назначение местных партийцев управляющими контор в скором будущем обернулось для местной элиты преимуществом, а для Торгсина немалой проблемой. Свой местный человек на этом посту был более сговорчив, когда к нему обращались с просьбами те, кто рекомендовал и утвердил его на эту должность. В таких просьбах, учитывая роскошный по тем голодным и раздетым временам ассортимент Торгсина, недостатка не было. Правление Торгсина тщательно вело борьбу с практикой продажи валютных товаров на советские рубли, а то и вовсе выдачи торгсиновских товаров даром по требованию местных властей. Правление увольняло провинившихся управляющих и директоров магазинов, в то время как местное руководство стремилось оставить на этих постах своих людей и избежать назначения «варягов».

Инспектор Паллей докладывал из Крыма в Москву и о своих контактах с местным ОГПУ: «Кроме того, что т. Новиков рекомендован, как я уже писал выше, я не ограничился этим и согласовал его еще с соответствующей организацией (догадываетесь с какой? – Е. О.), с заместителем этого учреждения (обратите внимание на конспиративный язык. – Е. О.). Вообще я с ним очень долго беседовал о перспективах работы нашего крымского отделения. От него я узнал много подробностей, с которыми придется считаться и учитывать при организационном периоде. Он обещал также во всех моих затруднениях здесь оказать полную поддержку и содействие. Я не теряю с ними связь»¹⁵⁵.

Одновременно шла работа «по мобилизации общественного внимания». Реклама являлась для большевиков делом новым и странным, но значение ее для торговли они понимали – жили ведь когда-то при капитализме. Главные проблемы в деле рекламы возникали не из-за того, что партийцы – руководители Торгсина считали ее бесполезной, а из-за отсутствия денег. Тем не менее по мере финансовых возможностей местная печать и радио информировали людей об открытии торгсинов в их городе или районе. Рекламные плакаты и листовки появлялись на тумбах рядом с театральными афишами и газетой «Правда», в трамваях, на вокзалах и станциях, на почте, в кинотеатрах и на рынках. Приведу объявление из архива Западной конторы Торгсина (сохранены орфография и пунктуация оригинала):

ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ!

«ТОРГСИН»

Универмаг открыт в гор. Сычевке в бывшем магазине ГОРТ

Отпускаются всем гражданам любые продовольственные и промышленные товары высшего качества без ограничения в любом количестве...

Граждане имеющие у себя золотые и серебряные монеты старого чекана и разные золотые и серебряные вещи (объявление появилось в 1933 году,

---

¹⁵⁵ Там же. Л. 33 об.

Торгсин уже принимал серебро. – Е. О.), могут таковое сдавать в ТОРГСИН в неограниченном количестве не боясь никаких преследований, слухи и разговоры о том, что за сдаваемые золотые и серебрянные монеты сдатчики привлекаются к ответственности, это ни на чем не обосновано, лож. Бытовое золото и серебро, это мещанские прихоти старого времени при помощи, которых люди достигали для себя известное положение в старом быту. В них больше советский гражданин ненуждается, их эти золотые и серебрянные вещи нужно в короткий срок обменять на лучшие товары в универмаге «ТОРГСИН». Подпись: «ТОРГСИН»¹⁵⁶.

Это объявление позволяет судить об особенностях формировавшейся советской потребительской политики и культуры, равно как и о специфике отношений Торгсина и «органов», но эти вопросы будут рассмотрены в специальных главах. В данный же момент важно передать дух и настроение времени становления Торгсина.

И вот работа инспектора закончена: золотой потенциал населения определен, помещение для магазина найдено, кандидатуры работников согласованы и утверждены, плакаты развешены. Начиналась обыденная жизнь Торгсина. Каждый день приносил сотни вопросов, ответов на которые не было, ведь правительственные постановления наметили лишь общие принципы работы конторы. Где принимать ценности – в магазине или специальном помещении? Кто должен обеспечивать работников Торгсина пайками? Вопрос не шуточный, дело ведь происходило в годы карточной системы, и неясность в этом вопросе вела к текучке кадров. Как выполнить план, если снабжение идет с перебоями, да к тому же присылают неходовой, несезонный товар? Где хранить продукты, если своих холодильников у Торгсина нет? Можно ли самим регулировать цены в зависимости от спроса? Как бороться с хищениями и подделкой документов? Можно ли брать выходной в базарный день? Кто должен охранять Торгсин – милиция или гражданские сторожа? Особенно болезненным был вопрос статистического учета. Ушло несколько лет, чтобы сложился порядок и формы отчетности Торгсина. В торгсиновской статистике первых лет, особенно на периферии, царил хаос.

Директора торгсиновских магазинов и управляющие контор порой работали «вслепую». Кто-то брал инициативу на себя и сам принимал решения, другие постоянно оглядывались на Москву, по каждому вопросу теребя Правление срочными запросами. В местном руководстве Торгсина, конечно, были талантливые организаторы и «крепкие хозяйственники», но в большинстве случаев непрофессионализм, незнание торгового дела, да и окрики Москвы оборачивались многими огрехами, а зависимость от местной элиты – преступлениями. Так, распоряжениями из Москвы, решениями местных директоров и управляющих, инициативой людей, путем проб и ошибок шло становление Торгсина.

С ростом Торгсина развивалась, усложнялась и менялась его структура. Со временем появилась, например, специализация заместителей председателя Правления в Москве¹⁵⁷, а также специализация отделов в аппарате его контор¹⁵⁸. В 1933 году отделения внутри контор были укрупнены и преобразованы в межрайонные базы, сформировалась «кустовая» структура

¹⁵⁶ ГАСО. Ф. 1425. Оп. 1. Д. 22. Л. 54.

¹⁵⁷ В период создания Торгсина его Правление состояло из председателя (М. И. Шкляр), четырех замов (Ю. С. Бошкovich, И. Я. Берлинский, В. К. Жданов, М. Н. Азовский) и помощника председателя (Т. И. Анисимов). Весной 1932 года Берлинский стал заведовать посылочными операциями; Бошкovich – антикварными и золотыми (РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 7. Л. 3; Д. 19. Л. 213).

¹⁵⁸ В аппарате контор Торгсина постоянно работали плановый (планово-финансовый) сектор и бухгалтерия, а также общий сектор или секретариат. По мере развития Торгсина в его конторах появились сектора проверки исполнения, коммерческий сектор, который в свою очередь разделился на спецотделы по виду товаров – текстильно-трикотажный, обувной, меховой, продовольственный (в наиболее развитых конторах он далее делился на хлебофуражный и мясозировой отделы), разных товаров, стройматериалов, химико-фармацевтический и др.

магазинов¹⁵⁹. Разрослись и обособились его транспортное и складское хозяйства, появились своя «особая инспекция», свой печатный орган «Торгсиновец» и многое, многое другое¹⁶⁰.

Торгсин прибрал к рукам практически всю внутреннюю валютную торговлю¹⁶¹, но в сложном механизме советского хозяйства он был всего лишь одним из винтиков. Его работа зависела от множества других предприятий и организаций. Среди них: Наркомат внешней торговли, в структуре которого он состоял и руководители которого утверждали планы Торгсина; Госбанк, через который шло кредитование Торгсина, обеспечение кассирами¹⁶² и которому Торгсин сдавал скупленное; Наркомат финансов, регламентировавший валютные отношения в стране; экспортные организации отраслей промышленности (Союзплодоовощ, Коверкустэкспорт, Союзмясо, Союзмука, Союзсахар, Союзпушнина и т. д.) и Наркомат снабжения, которые поставляли товары Торгсину; Наркомат путей сообщения, от которого зависела транспортировка и сохранность грузов Торгсина – вопрос исключительно болезненный во все годы советской власти; Наркомат рабоче-крестьянской инспекции, который проверял деятельность Торгсина; Внешторгбанк, получавший денежные переводы из-за границы на счет Торгсина; Совторгфлот, чьи суда Торгсин снабжал в советских портах, а также валютные «смежники» и соперники: «Интурист» и «Отель». ОГПУ, а затем НКВД по самому широкому кругу вопросов были связаны с Торгсином, начиная с транспортировки скупленных бриллиантов и кончая арестами покупателей и валютными переводами на Торгсин для заключенных ГУЛАГа. Наркомат иностранных дел тоже оказался вовлеченным – Торгсин обслуживал дипкорпус.

Во взаимодействии многочисленных организаций было много неразберихи, конфликтов интересов, обид и соперничества, но без этих ведомств Торгсин не мог состояться. Торгсин учился работать не только с местным руководством и «держателями ценностей», но и со «смежниками». Несмотря на нерешенность многих вопросов и хаос начального периода, маховик был запущен и быстро набирал обороты. Ценности населения стали поступать в Торгсин.

¹⁵⁹ Создание межрайонных баз в 1933 году преследовало цель приблизить руководство к торговым точкам. В результате этой реформы сложилась «кустовая» организация магазинов. «Куст» состоял из головного универмага, который являлся центром межрайонной базы, а также подчиненных ему магазинов, скупочных пунктов, складского и транспортного хозяйства. Снабжение товарами, кредитование, транспортное обеспечение, планирование и отчетность осуществлялись через головной универмаг. «Кустовая» организация обернулась бедствием для зависимых магазинов, так как головные предприятия в первую очередь обеспечивали свои нужды.

¹⁶⁰ К концу деятельности Торгсина в 1935 году его структура специализировалась и разветвилась. Центр в Москве включал руководство (председатель и его замы, консультанты, старшие инспектора и референты); управление делами (общая часть, группа расчета, хозяйственная, секретная, юридическая части, экспедиция и резерв); товарные отраслевые спецконторы (продовольственная, разных товаров, текстильно-трикотажная, обувная, меховая, портовая), а также контору внутреннего снабжения и транспорта, сводно-плановый и валютно-финансовый сектора, а также главную бухгалтерию. Периферийная сеть Торгсина состояла из порядка сорока областных, краевых и республиканских контор. При областных конторах работали товарные базы. Кроме того, в структуре Торгсина были Центральная база и База бриллиантов в Москве, а также Импортная база в Ленинграде. В административно-управленческом аппарате Торгсина летом – осенью 1935 года работали 906 человек, а в торговой сети 11 555 человек (РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 158. Л. 25–27).

¹⁶¹ К нему перешли валютные торговые функции, которые ранее выполняли Совторгфлот, Мосторг, ГУМ, Главцветметзолото, Востокзолото, «Интурист» и «Отель».

¹⁶² В магазинах Торгсина работали приписные кассы Госбанка. Торгсин оплачивал их работу, но кассиров присылал Госбанк. Госбанк должен был также обеспечивать Торгсин приемщиками ценностей. На периферии из-за недостатка кадров это правило нарушалось.

Глава 4

«Красные директора» Торгсина: «политкомиссар»

Ученик аптекаря. Профессия – партиец, образование – большевистско-политическое. Операция «Кредитбюро». Искушение изобилием. Счастливая отставка

Зачем нам знать, кто руководил Торгсином? Прежде всего, интересно разглядеть этих людей и через их судьбу почувствовать грандиозную и страшную эпоху, в которую им пришлось жить¹⁶³. Кроме того, биографии его руководителей помогают понять, что Торгсин был не случайной удачей авантюриста, а партийным поручением, государственным заданием. Более того, масштаб личности людей, поставленных Политбюро у руководства в Торгсине, служит мерилom важности его задач. Не случайно в период массового голода – решающий момент в «мобилизации валютных ценностей» – председателем Правления Торгсина был легендарный Артур Сташевский: разведчик, доверенное лицо Сталина в Испании в годы ее гражданской войны и один из участников «операции X», в результате которой золото испанской казны оказалось в Москве.

За годы его существования в Торгсине сменились три председателя Правления¹⁶⁴. Все они были профессиональными революционерами, партийцами. По точному выражению поэта, они учили «диалектику не по Гегелю», а в огне революции и Гражданской войны. Образование, экономические знания и опыт торговой работы не имели главного значения при их назначении на этот пост. Профессиональными знаниями они овладевали по ходу самой работы. Назначение на руководящие отраслевые должности не специалистов, а профессиональных революционеров было нормой 1920–1930-х годов, так как главной обязанностью этих людей было проводить директивы партии в жизнь. Председатели Торгсина были политическими комиссарами партии на «торговом валютном фронте». Партийный контроль в торговле был тем более важен, что она оказалась «засорена капиталистами, бывшими торговцами и нэпманами», которые и при советской власти зарабатывали на жизнь тем, что привыкли и умели делать. Поскольку Торгсин работал с валютными ценностями, особую важность при назначении на пост председателя имели такие факты биографии, как опыт жизни за границей, разведывательная работа и служба в органах безопасности. Все председатели Правления Торгсина были евреями, но они пришли на эту работу не из частной дореволюционной торговли, а из революции.

Первым председателем Правления Торгсина стал Моисей Израилевич Шкляр (1897–1974)¹⁶⁵. Шкляр родился в 1897 году в Белоруссии, в городе Борисов Минской губернии. Мать занималась домашним хозяйством. Отец работал на спичечной фабрике. В автобиографии 1923 года Шкляр назвал его чернорабочим, а в регистрационном бланке 1954 года – рабочим-прессовщиком. В анкете 1933 года, несмотря на преимущества, которые давало рабочее положение отца, Шкляр определил свою сословную принадлежность «из мещан». До революции он закончил четыре класса городского училища, а при советской власти полу-

---

¹⁶³ Биографии заместителей председателя Торгсина смотри в приложении.

¹⁶⁴ Не считая кратковременного исполнения обязанностей председателя Правления Г. И. Мустом (август – ноябрь 1934 года).

¹⁶⁵ Сведения о М. И. Шкляре взяты из его автобиографии 1923 года, написанной при подаче заявления о принятии на учебу в Социалистическую академию, а также личного листка по учету кадров 1933 года и регистрационного бланка члена КПСС, заполненного при обмене документов в 1954 году (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Личные дела на руководящих работников номенклатуры ЦК). Эти документы появились в периоды разной политической конъюнктуры. Они позволяют увидеть, как менялось изложение фактов, и оценить достоверность информации. Однако, поскольку основной источник информации о Шкляре один – сам Шкляр, то возможны неточности и ошибки, утаивание фактов, самовосхваление и другое субъективное искажение информации.

чил политическое образование: в 1925–1927 годах прослушал курсы марксизма-ленинизма при Коммунистической академии, а позже, в 1948 году, был слушателем Университета марксизма-ленинизма в Москве.

На фоне грандиозных исторических событий начало жизненного пути Шкляра выглядит бесцветно. После окончания училища, согласно автобиографии, был безработным и перебивался уроками. Затем в 1916 году уехал в Тамбов и, «воспользовавшись знанием латинского языка», поступил учеником в аптеку. В революционном движении до 1917 года участия не принимал – «был подростком». В Февральской революции, судя по автобиографии и анкете, также не участвовал, хотя возраст был вполне подходящий – почти 20 лет.

В марте 1917 года Шкляр был мобилизован в «старую» армию, но фронта избежал. Шесть месяцев служил рядовым в запасном пехотном полку в Тамбовской губернии. В эти революционные месяцы, видимо, и началась карьера Шкляра как политического агитатора: по словам автобиографии, «развиваются его способности к публичным ораторским выступлениям» – предтече будущего политкомиссарства.

В автобиографии 1923 года Шкляр по вполне понятным причинам утверждал, что с самого начала своей политической деятельности проводил большевистскую линию. Но, видимо, это было не совсем так, поскольку после демобилизации из армии (по болезни) он, вернувшись в родной Борисов, вступил не в РСДРП(б), а в Бунд, по версии 1923 года – с целью его раскола¹⁶⁶. История изменила его партийный выбор. В мае 1918 года Шкляр бежал из оккупированного немцами Борисова в Советскую Россию, ушел добровольцем в Красную армию и в октябре на Восточном фронте вступил в партию большевиков.

В Гражданскую войну Шкляр был политработником на Восточном и Туркестанском фронтах. Судя по автобиографии, опыт участия в боевых операциях имел небольшой, боевых наград не получил. Редактировал фронтовые газеты и журналы, заведовал фронтовыми школами, напутствовал красноармейцев, шедших в бой, «обрабатывал материалы противника», проводил областные съезды советов и создавал ревкомы. В числе боевых соратников этого периода Шкляр в автобиографии назвал, в частности, В. В. Куйбышева и М. В. Фрунзе.

Приведу наиболее яркие истории из красноармейской жизни Шкляра, которые он сам выбрал для автобиографии. В январе 1919 года, будучи агитатором на боевом участке фронта на Урале, Шкляр попал в плен к белым, которые приговорили его к смерти – «живьем закопать в землю». Чудом остался жив, в последнюю минуту его освободили подоспевшие красные отряды. «Обработал 40 человек пленных казаков в одной школе, – пишет он о другом событии, – которые, окончив школу, влились в армию Колчака и разложили некоторые полки противника». В 1920 году в Туркестане был «комиссаром агитпоезда имени тов. Сталина», в котором объездил Ферганскую область, «с оружием в руках» пробивался в кишлаки и распространял агитационную литературу среди мусульман и красноармейцев.

В 1920 году Шкляр обратился к Ленину с просьбой отозвать его с фронта для продолжения учебы. Последовал телеграфный ответ с разрешением приехать в Москву для поступления в Социалистическую академию. Однако, приехав в столицу, Шкляр «в Академию не вступил, ибо втянулся в партработу»: редактировал газету Наркомнаца «Жизнь национальностей» и читал лекции в партшколах.

Осенью 1920 года Шкляр «по усталости и болезни» перешел... в ВЧК на «литературно-политическую обработку материалов». Несколько лет состоял ответственным секретарем партийной ячейки ВЧК/ОГПУ. «Развертываю партийную работу в ГПУ, создаю партшколы», – написал он об этом времени своей жизни. После кратковременного отрыва для учебы в Коммунистической академии Шкляр вернулся в ОГПУ и до 1929 года был оператив-

---

¹⁶⁶ Шкляр состоял членом Бунда несколько месяцев, с сентября 1917 до апреля 1918 года, но тем не менее, по его словам, добился откола от партии «левых элементов».

ным работником. Документы не позволяют сказать, в чем именно состояла его работа в ОГПУ: в личном листке значится лишь безликое «разная руководящая работа». Среди коллег, которые знали его по работе в ОГПУ, Шкляр в автобиографии 1923 года назвал Ф. Э. Дзержинского, И. К. Ксенофонтова, В. Р. Менжинского, И. С. Уншлихта, Я. Х. Петерса и Г. Г. Ягоду.

Из ОГПУ Шкляр перешел на хозяйственную работу, но его связь с органами не прервалась¹⁶⁷

---

¹⁶⁷ Исследования, основанные на материалах ОГПУ, свидетельствуют о том, что сотрудники «органов» при переходе на хозяйственную работу получали специальные задания, главным образом по ведению экономического шпионажа за границей. ОГПУ также командировало своих сотрудников на хозяйственную работу при получении заказа от промышленной организации. См., например, исследование С. В. Журавлева об операции, проведенной военной разведкой и ОГПУ в 1922–1927 годах, по добытию технологии вольфрамового производства для развития электротехнической промышленности в СССР: *Журавлев С. В.* «Маленькие люди» и «большая история»: Иностранцы московского Электрозавода в советском обществе 1920-х – 1930-х гг. М., 2000. С. 45–96.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.